

ДАНИЭЛЬ ДАКАР

ДЖОКЕР

Даниэль Дакар

Джокер

Серия «Фабрика героев», книга 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=291672

Джокер: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2010

ISBN 978-5-9942-0512-9

Аннотация

Меняются времена, меняются пространства. И тому, кто хочет не только выжить, но и выиграть, приходится меняться вместе с пространствами и временами, снова и снова приземляясь, как кошка, на четыре лапы. Да, трудно. Но выбора нет, как не было его никогда.

С Бельтайна – в Российскую империю. Из рубки корвета – во дворцы. Вместо сертификата пилота – верительные грамоты посла. Минус погоны – плюс новое имя. Минус определенность – плюс неизвестность. Минус привычная жизнь – плюс... что?

А ты по-прежнему полукровка. Своя ровно настолько, чтобы оставаться чужой. Впрочем, тебе не привыкать. И где бы ни происходила игра, кто бы ни играл и какова бы ни была ставка, в крапленой колоде Судьбы твоя карта – джокер...

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	39
Глава 3	73
Глава 4	104
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Д. Дакар Джокер

Иные времена и иные места...

Тебя привлекает звездных трасс красота,
А мне остается лишь тень корабля над планетой.
Когда с улыбкой снова говоришь «Прощай!»,
Не вправе я судить, мне нечего прощать,
Но нету у меня другой души, помимо этой.

Помимо той души, что любит только тебя,
Помимо того сердца, что рвется в клочья любя,
И если ты уйдешь из него, оно просто встанет.
Я знаю, твоя гордость тебе дороже любви.
Я знаю, ну и пусть, как хочешь, так и живи.
Но может быть, мой главный день – он все-таки настанет.

Тебе одной решать, как надо дальше жить,
И кто же я такой, чтобы тебя просить,
Просить подвергнуть жизнь твою суровой правке?
Но как дурак я жду, не слушая невежд,
Что ты сожжешь на алтаре моих надежд,
Сожжешь на этом алтаре свой рапорт об отставке...

Келли О'Брайен. Блюз иных времен

– Мы ведем наш репортаж из зала Верховного суда. Только что жюри присяжных признало обвиняемых виновными

по всем пунктам, и Верховный судья Маккормик удалился для вынесения приговора. Вряд ли это займет много времени. Тем не менее у нас есть несколько минут для того, чтобы побеседовать с непосредственной участницей событий, предшествовавших этому историческому заседанию. Я совершенно уверен, что мисс Мэри Александра Гамильтон ап Бельтайн не нуждается в представлении. Итак, мисс Гамильтон, вы готовы ответить на несколько вопросов? – пройдя-репортер ухитрился поймать Мэри за рукав изрядно уже поднадоевшей ей парадной формы как раз в тот момент, когда она пробиралась сквозь толпу к выходу из зала. Представители галактических СМИ были более сдержанны и деликатны, ведя съемку с некоторого расстояния, благо техника позволяла впоследствии смонтировать любую детализацию. Да и выглядела в данный момент майор Гамильтон так, словно только и ищет, на кого бы выплеснуть свое дурное настроение. Но нахального до полного бесстрашия соотечественника-бельтайнца не могли остановить ни откровенно злая улыбка его потенциальной жертвы, ни ее резкие, выдающие крайнюю степень раздражения движения. Напольная пепельница была в каких-то пяти шагах, но с тем же успехом могла находиться где-нибудь на орбите. Мэри вздохнула и, памятуя о предостережении полковника Моргана, постаралась придать своему лицу максимально дружелюбное выражение:

– Готова, мистер... Карнеги, не так ли? – этот ушлый гос-

подин мелькал во всех выпусках планетарных новостей.

– Вы совершенно правы, мисс Гамильтон! – расцвел журналист. – Скажите, вы довольны ходом судебного процесса?

– Вполне. Мне не доводилось раньше присутствовать на заседаниях, возглавляемых судьей Маккормиком. Однако по отзывам людей, которым я доверяю, он является компетентным, бескомпромиссным и неподкупным юристом, и, я уверена, вынесенный им приговор удовлетворит всех, кто наблюдает за процессом.

– Мисс Гамильтон, поговаривают, что заняться поиском доказательств, необходимых для ареста второго обвиняемого, вас заставили личные мотивы, так ли это?

– Полагаю, что упомянутые вами личные мотивы есть у любого жителя Бельтайна. Чтобы согласиться со мной, вам достаточно выглянуть в окно. Что касается меня, то, помимо мотивов, у меня были возможности и соответствующий опыт, которые я употребила на благо Бельтайна, как и подобает офицеру военно-космических сил.

– Правда ли, что послушание в монастыре Святой Екатерины Тариссийской вы совмещали со службой в планетарной полиции?

– Это правда, и я до сих пор с удовольствием вспоминаю то время. Мистер Карнеги, перерыв может закончиться в любой момент, и я хотела бы успеть выкурить сигару...

– Последний вопрос, мисс Гамильтон, – заторопился ее собеседник. – Нашу женскую аудиторию интересует харак-

тер ваших отношений с контр-адмиралом Корсаковым...

– Без комментариев, – отрезала Мэри, обошла назойливого корреспондента, как неодушевленный предмет, и устремилась к вожаденной пепельнице.

Глава 1

Иногда Шону О'Брайену казалось, что ему следовало бы проклясть тот день, когда Генри Морган познакомил его и брата с пилотом ноль двадцать два. Иногда – что этот день надо благословлять. А иногда он просто не знал.

Проклятие не раз готово было вырваться при воспоминании о том, что Келли – ладно бы влюбился, с кем не бывает! – раз и навсегда полюбил совершенно не подходящую ему женщину. Да какую там женщину, соплячке и было-то тогда всего шестнадцать лет. Полюбил, и решил ждать в качестве преданного друга, пока она не выйдет в отставку, и еще столько, сколько потребуется, чтобы добиться ее. Кое-как братья столковались на трех годах ожидания, но что-то подсказывало Шону, что упрямый мальчишка... да уж, мальчишка, за сорок перевалило!.. будет ждать и пять лет, и пятнадцать, и пятьдесят.

Но проклясть не получалось. Потому что Шон понял Келли. Понял двенадцать лет назад, когда чертова девка попросила полковника Моргана пристроить на работу в полицию своего второго пилота, Джину Кроули. Шон даже не помнил, что говорил тогда: глаз не мог отвести, ни одной мысли в голове не осталось. И ведь это было безнадежно, почти так же безнадежно, как глубоко запрятанные чувства Келли. А потом... А потом родился Том, а вслед за ним Лахлан, а теперь

еще нужно придумывать имя для девочки. И как ни крути, именно ноль двадцать второй приложил к его счастью свою крепкую руку с кольцом мастер-ключа.

А теперь он не знал. Благословлять? А как же Келли, так и не успевший даже поцеловать женщину, которую боготворил? Проклинать? И как он посмотрит в глаза брату, когда они встретятся там, за порогом? Странная штука жизнь...

* * *

Месяца за полтора до упомянутого интервью Мэри, натянувшая уже свежую сорочку, стояла перед зеркалом в душевой своей комнаты в офицерском общежитии и тщательно расправляла складки форменного зеленого шейного платка. Парадный китель с непривычными пока майорскими погонами был разложен на кровати, угольно-серый берет подмигивал с тумбочки свеженачищенной кокардой. На душе было мутно. Мысли бродили в голове, угрюмо стучаясь друг о друга и вяло огрызаясь, и виной тому было отнюдь не похмелье. С ним-то она справилась довольно быстро – чтобы на планете, населенной потомками выходцев из Кельтского союза, да не было первоклассных средств, позволяющих нейтрализовать вчерашний перебор? Шутить изволите? Но вот то, что ей предстояло через какой-нибудь час...

Осторожный стук в дверь заставил ее махнуть рукой на непослушный платок и выглянуть в комнату.

– Открыто!

– Мисс Гамильтон... вот... – молоденький третий лейтенант, которого, судя по всему, изрядно взгрели за вчерашний недосмотр, выразившийся в том, что подопечная улизнула из-под носа и надралась в хлам в полицейском баре, не знал, куда девать глаза. – Я принес, как вы просили... – в руках парнишка сжимал дюжину серебристо-белых роз.

– Спасибо. Молодец. Долго искал? – Мэри было немного неловко. Натянуть нос старым перестраховщикам она считала вполне приемлемым, но против ни в чем не повинного исполнителя ничего не имела и теперь хотела хотя бы приветливым тоном слегка облагородить подложенную ему накануне свинью.

– Никак нет, мэ. Сегодня в городе продается много цветов.

– Да, конечно... – еще бы им не продаваться, столько похорон... – Положи на кровать. Нет, давай я сама положу. Ты и сегодня меня сопровождаешь?

– Никак нет, госпожа майор. Вы ведь на полицейское кладбище поедете, а мне на военное надо. Мой дядя...

– Понимаю. Прости за вчерашнее, я... – она не знала, что сказать парню, которому, как и ей, предстояло сегодня хоронить близкого человека. Тут он поднял голову, и в его глазах Мэри увидела то, чего никак не ожидала: обожание.

– Госпожа майор, не извиняйтесь, ведь вы... вы...

– Кто я? Героиня?

Мальчишка истово закивал.

– Видишь ли... – Мэри положила руку на пока еще скромный погон. – Героиня – это, конечно, здорово. Торжественная встреча, восхищение собравшихся, приветственные крики, ап Бельтайн... На самом деле все это мишура. Каждый, кто дрался за Бельтайн, неважно, погиб он или выжил, каждый – герой, слышишь? Ты. Твой дядя. Кадеты, без слез и истерик летящие в неизвестность на кое-как переоборудованном транспортнике под прикрытием куцега ордера. Не хлопай глазами, это тоже своего рода героизм, когда ты хочешь остаться и помочь, а тебе говорят, что ты еще мал и должен убраться с линии огня и не путаться под ногами, и ты летишь на совершенно беззащитном корабле в неизвестность. «Сент-Патрику» разнесли маршевые, на него сбросили абордажные капсулы, но мне доложили – панику гасить не пришлось, потому что ее не было. Не было паники, понимаешь? Разве они – не герои? А что говорить о нулевичках? О крохах, которые не могли перейти на русский крейсер сами, их несли на руках старшие, а они все равно отдавали честь. Я видела эту запись, парень. Русские десантники плакали, здоровенные мужики. А наша детвора – нет. Герои, как ни крути. Это с одной стороны. А с другой... Знаешь, я сейчас надену китель, прилажу на левый рукав черную повязку и поеду на кладбище, где сегодня хоронят моих сослуживцев и моего друга. Лучшего друга, самого близкого из всех, какие появились у меня за почти тридцать три года моей жизни.

Что ему проку в моем героизме? И что будет проку в моем героизме мне, когда капеллан захлопнет книгу и грянет прощальный салют? – она смахнула ладонью набежавшие слезы. – Ладно, пролетели. Ступай, парень, тебе дольше добираться, чем мне, а машину за тобой, конечно, не пришлют, ты же, – она усмехнулась с горькой издевкой, – не ап Бельтайн... Беги, я тут сама справлюсь.

Когда за лейтенантиком закрылась дверь, Мэри прислонилась к стене и потеряла виски. И чего это она так разговорила? Мальчику, похоже, нет и двадцати, в его возрасте такого рода воспитательные речи иначе как занудством не назовешь... Она вздохнула, вернулась в душевую и снова принялась за платок. На удивление, он лег, как положено, почти мгновенно. Теперь китель. Поправить аксельбант. Закрепить на рукаве траурную повязку. Одернуть. Вот и до берета очередь дошла. Мэри окинула взглядом свое отражение в зеркале, но оно ей совершенно не понравилось. Что-то было не так, но что? Вроде все по форме... А, к черту форму! Криво усмехаясь, она содрала берет с головы, зашвырнула его в угол и рывком сдвинула в сторону дверцу шкафа. На верхней полке лежала кремовая широкополая шляпа, которую она когда-то отобрала у Эрика ван Хоффа. Как тогда смеялся Келли... Мэри взяла шляпу, повертела ее в руках и решительно нахлобучила на голову. Вот теперь все правильно, а кому не нравится – может перейти на другую сторону улицы, уж кто-кто, а Мэри Гамильтон возражать не будет.

Небо, такое ясное с утра, затянули весьма многообещающие тучи. Стихший было ветер снова разгулялся, как будто задался целью вырвать из рук капеллана потрепанную Библию. Старые деревья, дубы попеременно с муринами, склонялись над кованой оградой, кое-где заплетенной серебристо-серым, словно седым, плющом. Вокруг собралось уж никак не меньше полутора сотен человек, но единственными звуками, нарушавшими тишину, были голос священника, тихие, сдерживаемые всхлипы женщин и стоны ветра в кронах деревьев. Жесткие длинные листья мурен были словно специально созданы для того, чтобы служить ветряной арфой, и над головами людей разносился заунывный плач, более чем уместный на этом небольшом клочке земли. Кладбище было знакомым, здесь хватало могил тех, с кем Мэри довелось служить в юности. Вон там, чуть правее, лежит Дональд Макги, а дальше, почти у ограды, Френки Шарп... Еще один знакомый холмик, еще один, еще... Впрочем, это было достаточно давно, да и не знала она толком этих людей. Пилот – он и есть пилот, с наземным составом общается нечасто, вот разве что смерть сгоревшего на ее глазах Дональда до сих пор бередила душу. А сегодня хоронили тех, кто погиб при орбитальной бомбардировке Бельтайна, хоронили на центральной аллее, на участке, предназначенном для старших офицеров планетарной полиции. Должно быть, Дядюшка Генри распорядился, больше некому. Мэри

поежилась под особенно сильным порывом ветра, чуть не сорвавшим шляпу с ее только-только начавшей обрастать после последнего бритья головы. Пришлось сунуть розы под мышку и натянуть непокорный кусок фетра чуть ли не до носа. Она то и дело ловила на себе неодобрительные взгляды, но ей было все равно. И Морган, и Шон шляпу явно узнали. Узнали и, судя по всему, сочли, что шляпа, добытая в свое время вместе с Келли, уместнее на его похоронах, чем парадный берет. Они стояли слева и справа от нее, командующий планетарной полицией полковник Генри Морган и его первый заместитель, старший брат Келли майор Шон О'Брайен. И все, что могли подумать или сказать люди, собравшиеся на полицейском кладбище, по поводу вопиюще не траурного головного убора Мэри, разбивалось о безоговорочную поддержку, которую ее бывшие командиры и не думали скрывать. Они – знали. Знали, и априори принимали все, что могла сказать или сделать бывшая напарница Келли. «Молодец, Мэри, ему бы понравилось», – сдержанно проговорил Шон при встрече, хлопая ее по плечу. Морган одобритительно кивнул, повернулся, и возмущенно открывшая было рот дама в летах стушеввалась под холодным взглядом командующего.

Ветвистая, даже при свете дня ослепительная, молния прорезала сплошную массу угольно-серых туч. На мгновение кладбище осветилось резким электрическим сполохом, тяжелый удар грома, казалось, расколол небо и землю, и хлынул дождь. Шляпа промокла почти сразу, щегольские поля

обвисли, но Мэри была благодарна ливню. Теперь она могла плакать, все равно никто не поймет, что за капли катятся по уже абсолютно мокрому лицу. А похоронная служба шла своим чередом. Кто-то раскрыл над головой капеллана огромный черный зонт, и майор Гамильтон невпопад подумала, что надо было посмотреть перед выходом прогноз погоды. Хотя, если разобраться, ей требовались сейчас обе руки: правой она крестилась при каждом «аминь!», в левой сжимала цветы, которые молнии и струи падающей с небес воды превратили в сверкающие драгоценности.

Когда могилу Келли начали засыпать, она шагнула вперед по мокрой траве и комьям раскисшей от дождя земли и стала бросать розы в яму. Первая... вторая... пятая... восьмая... двенадцатая легла на уже готовый холмик. Люди начали расходиться. С полдюжины красивых молодых женщин, которые при жизни Келли уж точно передрались бы между собой за его внимание, теперь поддерживали и утешали друг дружку, договариваясь о том, где бы выпить чаю. А она все стояла, не в силах сдвинуться с места, все еще не веря... Морган осторожно взял ее под локоть и потянул в сторону выхода с кладбища. Она заартачилась было, но Шон, который разговаривал с кучкой промокших сослуживцев неподалеку, решительно подошел и за плечо развернул ее лицом к жалобно поскрипывающим воротам.

– Идем, Мэри. Идем. Довольно, малышка, слышишь? – так, направляя и подталкивая «малышку», которая всего-то

дьюма два не дотягивала до шести футов, они вывели ее с кладбища и усадили в машину.

Морган устало scomандовал водителю:

– Домой, Теренс, – и откинулся на спинку сиденья. Шон некоторое время ехал молча, лишь изредка косясь на глядящую прямо перед собой соседку. Потом, видимо, решился, положил ладонь на колено Мэри и негромко спросил:

– Скажи, девочка... а почему розы? Тем более белые?

Она помолчала, усилием воли заставила губы перестать дрожать и почти спокойно ответила:

– Ты, наверное, не в курсе, Шон... На следу-ющий день после того, как мы с Келли взяли ван Хоффа, он пришел ко мне в «Спрингфилд» и подарил первые в моей жизни цветы. Дюжину белых роз. – Ее лицо жалобно искривилось, и она торопливо отвернулась к залитому водой окну, за которым проплывали пустые по причине ливня улицы Нью-Дублина. – Ты бы видел его в тот день, Шон, – продолжала она, улыбаясь сквозь слезы, – я такого узла на платке ни у кого не видела, ни до, ни после... Потом он мне раз двадцать показывал, как его вывязывать, но я так и не смогла воспроизвести это великолепие, как ни старалась. Келли еще смеялся и говорил, что если я собираюсь когда-нибудь выйти замуж, то должна уметь завязывать шейные платки, а то вдруг муж вечером наклюкается, а утром у него важная встреча. Помню, на Лордане...

– Кстати, Мэри, – заинтересованно перебил ее Морган,

оборачиваясь к задним сиденьям, – а скажи-ка мне вот что. Я знаю, что вы с Келли мотались на Лордан чуть ли не всякий раз, когда ты выбиралась с Картана на каникулы, да и потом, когда у тебя бывали отпуска. А до того?

– А то вы не знаете! – насмешливо фыркнула она.

– Я не знаю, я догадываюсь. И хотел бы выяснить, насколько правильно, – невозмутимо усмехнулся полковник.

– Абсолютно правильно, сэр. После «Золотого клевера» и до моего отлета на Картан мы бывали там раз восемь, наверное, – Мэри улыбнулась своим воспоминаниям. Когда-то она могла часами смотреть, как летают карты из одной ладони Келли в другую. Шулером он не был, да ему это и не требовалось – при его памяти и складе ума ее напарнику не были нужны никакие хитрости. С его легкой руки и она тоже могла кое-что за покерным столом, но честно признавалась самой себе, что до учителя ей далеко.

– М-да... Как по мне, так это уже перебор – таскать в это скопище притонов шестнадцатилетнюю девчонку, – проворчал Морган. Впрочем, ни удивлен, ни рассержен он не был. Чему бы ни учил Келли О'Брайен свою молодую напарницу, это уж точно не пошло ей во вред. А покер – это даже и неплохо. И мозги тренирует, и, в случае чего, на кусок хлеба можно заработать. Хотя уж кому-кому, а одному из самых блестящих пилотов Бельтайна вряд ли когда-нибудь понадобятся дополнительные заработки. С другой стороны, жизнь штука непростая... полковник слегка пожал плечами. – Кел-

ли всегда был оригиналом, и плевать хотел на все инструкции, да и правила приличия заодно. Ну ладно он – а ты-то что там забыла? Или я опять что-то упустил? Ты азартна?

– И азартна тоже. Кроме того, ни один устав не предусматривает ситуаций, в которых может оказаться посетитель Пространства Лордан. Там можно приобрести совершенно уникальные навыки и связи. В частности, дон Лима лично знаком с мисс Амандой Робинсон и благоволит ей. Согласитесь, это ведь отнюдь не лишне. Да и о деньгах забывать не стоит. Честно говоря, я даже не знаю толком, сколько у меня сейчас на счетах. Все мои дела вел Келли, а он, как вам, должно быть, известно, играл не только в карты.

Спутники Мэри переглянулись. Шон приподнял бровь, Морган еле заметно покачал головой, что-то запрещая подчиненному. Ей было не до этого безмолвного обмена мнениями. Странное оцепенение накатило на нее, как океанская волна накатывает на берег. Только волна быстро отступает, а ее оцепенение никуда деваться, похоже, не собиралось. Впрочем, это было только к лучшему. Прозрачный барьер, отделивший ее от всего мира, не давал боли от потери друга развернуться в полную силу и помешать думать о том, что сейчас было по-настоящему важным. Нагореваться она еще успеет, сперва надо разобраться с делами.

К тому моменту, когда машина приземлилась возле дома Моргана, план действий уже успел сложиться в ее голове, с которой она так и не сняла промокшую шляпу Эрика ван

Хоффа.

Дом уже прогрелся. Вернувшись раньше всех Лорена включила обогреватели, чтобы выгнать из комнат промозглую сырость. Лето на Клевере, самом крупном острове в этом полушарии Бельтайна, бывало, как правило, жарким, но сейчас оно заканчивалось, а пригнанный северным ветром дождь довершил дело. Да и, строго говоря, в доме, который хозяин посещает хорошо если пару раз в неделю, никогда не бывает по-настоящему тепло.

– Шон, немедленно свяжись с женой. Джина не смогла пробиться на твой коммуникатор, вышла на меня, я ей сказала, что ты жив и здоров, просто очень занят, но она, кажется, не очень-то мне поверила, – Лорена, повязавшая поверх парадной формы легкомысленный фартук, ловко накрывала на стол. – Давай-давай, не задерживайся, они только сегодня услышали наши новости. Мог бы и сам сообразить, когда пытался ей мозги запудрить своим «все в порядке», да только что взять с мужика, к тому же копа... – насмешливо фыркнула она.

Морган посторонился, пропуская метнувшегося по коридору заместителя, переглянулся с Мэри и скорчил гримасу, означавшую шутивную покорность судьбе. Его подруга никогда не отличалась ангельским характером, а события последних дней вымотали великолепную Лорену Макдермотт уж никак не меньше, чем его или Шона. Между тем красави-

ца-бухгалтер сунула в руки опешившей Мэри лоток со столовыми приборами и продолжила воспитательный процесс:

– Генри, марш переодеваться. И подбери что-нибудь для Мэри, мое все у нее на плечах треснет. А ты, как только разложишь это, ступай в душ. Не хватало еще, чтобы ты простудилась. Организм и так вздернут, а ты еще и промокла.

Дождавшись, пока Морган выйдет из гостиной, Мэри быстро разложила на столе ножи и вилки, подошла к Лорене вплотную и негромко поинтересовалась, косясь на дверь:

– А с чего ты взяла, что у меня вздернут организм?

– Дорогуша, не держи меня за дурочку, – так же тихо ответила Лорена. – Генри с Шоном могут чего-то не понимать, но я-то не слепая. Кстати, я вполне одобряю твой выбор. Этот русский – красивый мужик, что есть, то есть. Я только никак не могу взять в толк, почему именно сейчас?

Мэри поежилась под внимательным взглядом, еще раз оглянулась на дверь и, склонившись к уху Лорены, прошептала:

– А ты меня не сдашь?

Высказать свое возмущение по поводу абсурдности вопроса та не успела: в комнату торопливо вошел Морган, уже успевший переодеться. В руках он держал какую-то одежду.

– Давай-ка в душ, девочка. Переоденешься в это. Конечно, придется подвернуть штанины и рукава, но тут уж ничего не поделаешь.

– Отлично! – Лорена забрала у него из рук штаны, май-

ку и легкую куртку, одобрительно кивнула и безапелляционно заявила: – Пошли, Мэри. Прослежу, чтобы ты не заснула прямо в душевой кабине.

Пройдя мимо кабинета, из которого доносились приглушенные голоса Шона и Джины, периодически прерываемые пронзительными возгласами мальчишек, твердо уверенных в том, что они бы уж показали всем этим захватчикам, женщины добрались до ванной комнаты. Там, как пожалуй нигде больше в доме – в спальне, правду сказать, Мэри не была – ощущалось присутствие Лорены. По крайней мере, чистые и выглаженные полотенца были подобраны по цветам, шампунь и жидкое мыло пребывали на своих местах, а зеркало недавно протирали. Тщательно заперев дверь, Лорена демонстративно отвернулась от своей спутницы и не терпящим возражений тоном скомандовала:

– Живей раздевайся и в душ. Нам еще поговорить надо, а эти два умника долго ждать не станут, того и гляди заявятся выяснять, не захлебнулись ли мы тут на пару. Вот помани мое слово, так и будет.

Мэри неопределенно хмыкнула, отставила в сторону ботинки, сбросила мокрый китель, рубашку и брюки, с удовольствием убедилась в том, что белье только влажное, повесила его на сушилку и шагнула под тугие горячие струи. Купаться она любила всегда, но в последние пару дней процесс принятия душа доставлял ей куда большее, чем обычно, удовольствие, так что Лорене, озабоченной временным

фактором, пришлось просунуть руку в кабину и выключить воду.

– Держи полотенце. Хорошо хоть волосы тебе сушить не надо, – проворчала она.

Мэри усмехнулась, растираясь прогретой на специальной стойке плотной, но мягкой тканью:

– Не надо, это точно. За полным отсутствием того, что следовало бы сушить. – за время, прошедшее с последнего вылета, волосы у нее успели отрасти едва ли на одну десятую дюйма, так что украшенный тарисситовыми татуировками череп окутала неопределенного цвета дымка. За исключением этих татуировок да еще креста на виске – знака монастыря Святой Екатерины Тариссий-ской – никаких особых примет у Мэри не наблюдалось, по крайней мере, на первый взгляд. На внутренней стороне левого предплечья были наколоты цифры 022 – ее позывной во время службы в планетарной полиции под командованием тогда еще майора Морганна, – но длинные рукава формы, как правило, закрывали ее руки до самых кистей. Кольцо мастер-ключа на среднем пальце правой руки (тоже наколка) вполне могло сойти за не слишком удачно подобранное украшение, хотя здесь, на Бельтайне, любой мальчишка знал, что означает такое колечко. И если мальчишка, а уж тем более – девчонка, принадлежали к Линиям, при виде этого кольца они немедленно вставали по стойке «смирно». К слову сказать, кольцо Лорены выглядело более красивым, должно быть, за счет того, что

пальцы ее изящных рук были длиннее и тоньше, чем у Мэри, которая все-таки была по бельтайн-ским меркам сложена грубовато.

– А теперь – выкладывай! – непререкаемым тоном потребовала Лорена, с трудом дождавшись, когда Мэри наденет майку и штаны. – И если я еще раз услышу какую-нибудь чушь по поводу того, не сдам ли я тебя...

– Извини. Просто дело довольно серьезное. – Мэри помолчала, собираясь с духом, но Лорена выразительно постукала пальцем по браслету коммуникатора, который выполнял также функции хронометра, и ей пришлось заговорить. – Видишь ли, когда мы стартовали от «Гринленда», у меня были месячные.

– Что?! – побледневшая, ошеломленная Лорена слегка попятилась, глядя на собеседницу во все глаза. – Что ты сказала, Мэри?

– Ты все правильно расслышала. И не говори мне, что был какой-то другой выход, мы обе знаем, что его не было.

– Дальше, – холодно уронила капитан Макдермотт, приклоняясь, скрестив руки на груди, спиной к запертой двери и пристально глядя на майора Гамильтон. То, что только что сказала ей бывшая подчиненная Генри, не лезло ни в какие ворота. Черт с ним, с Уставом, все его нарушали, нарушают и нарушать будут, но эта конкретная страница была написана в прямом смысле слова именно кровью, и как девочка осталась в живых – непонятно. Сума-шедшая... Истинная Га-

мильтон, кем бы там ни был ее папаша... Ладно, сейчас она сама все объяснит.

– А дальше мы вступили в бой. Под коктейлями, конечно, как же иначе. И дело кончилось тем, что я упала во время представления Корсакову. Говорят, он подхватил меня на руки... – Мэри криво усмехнулась, – не помню. Я к тому моменту уже умерла. От кровопотери. Ну, ты понимаешь. А их врач, Тищенко его фамилия, решил, что он меня не отпустит. И не отпустил...

– Но тебе полностью очистили всю кровь, – перебила ее Лорена, всегда славившаяся скоростью построения логических цепочек на основе минимальной информации. – И гормональный барьер рухнул. Плюс вполне естественное желание почувствовать себя по-настоящему живой, дать понять Смерти, что здесь не подают не только по пятницам. А тут этот красавец. Ясно. Вопросов больше не имею. Кроме, пожалуй, одного: ты проконсультировалась с медиками? Ведь такой резкий переход может очень плохо кончиться, что-то надо делать для смягчения. Если бы все пошло естественным путем, ты еще как минимум полгода принимала бы препараты, постепенно снижая дозы, да и потом...

– Лорена, дорогая, – мягко улыбнулась Мэри, – с какими медиками ты мне предлагаешь проконсультироваться? Если кто-то узнает, что я ушла в боевой вылет с кровотечением, меня попросту расстреляют, не посмотрят, что ап Бельтайн. Ты думаешь, чего ради я на русском крейсере отсиживалась?

Мы ждали, пока отсутствие в крови следов коктейля можно будет объяснить временем, прошедшим с момента введения. А то ведь ребят врачи перехватили сразу же, как только челнок приземлился. Представляешь, что было бы, если бы меня обследовали тогда?

Лорена выпятила нижнюю губу, нахмурилась, прошлась по просторной ванной. Девчонка была совершенно права – именно расстрел предусматривал Устав ВКС Бельтайна за то, что сделала Мэри. И пока принципалом Совета Бельтайна является Джастин Монро, никакого снисхождения Мэри Александре Гамильтон ждать не приходится, уж этот-то точно не удовольствуется порицанием национальной героини или даже ее позорной отставкой. Нет, ну что стоило ее матушке переспать с этим умником, будь он трижды неладен? Глядишь, и дочке бы попроще жилось...

– А этот русский врач? Тис-чен-ко? Он не поможет?

– Не знаю. Он ведь не эндокринолог... Ладно, ты права, все равно больше не к кому обратиться. Пошли.

Вопреки саркастическим предсказаниям Лорены, мужчины не пошли их искать, решив воспользоваться отсутствием дам за столом для того, чтобы выпить без помех. Когда женщины пришли в гостиную, они обнаружили, что стаканы Генри и Шона наполнены явно не по первому разу. Лица полицейских порозовели, в глазах появился характерный блеск, Шон выверял каждую фразу. Впрочем, о своих сотра-

пезницах они тоже не забыли: виски был разлит поверх кубиков льда, заблаго-временно запасенного Лореной; закуски, явно приготовленные тут же, а не заказанные в ближайшей лавке, громоздились на тарелках. Выпили по первой, потом по второй. Разговор не клеился, ели мало и как-то через силу. Мэри заставляла себя жевать, но только потому, что не могла позволить себе опьянеть и потерять впустую еще одну ночь. Надо было работать.

– Лорена, какие у тебя планы на вечер? – спросила она наконец, отставляя в сторону почти нетронутую тарелку и поудобнее устраиваясь в просторном кресле, когда-то, очень давно, закрепленном Морганом за юной подчиненной. Капитан Макдермотт переглянулась с Генри и слегка пожала плечами:

– Зависит от того, чего ты от меня хочешь...

– Ты лучший аналитик на Бельтайне, спорить будешь?

– Не буду. И что? – усмехнулась та.

– Я хочу кое-что поискать. Дядюшка, Саммерса уже начали допрашивать?

– Пока нет, – Морган, у которого внезапно прорезался аппетит, навис над столом, выбирая, что бы еще такое съесть. – Пускай малость помаринуется.

Мэри одобритительно кивнула:

– Правильный подход. Так вот, пока он маринуется, я хочу порыться в базах данных. Саммерс – крепкий орешек, голыми руками его не возьмешь, а нам до зарезу нужны его

показания.

– Показания?! – Шон вскочил на ноги, отшвыривая в сторону стул. – Мэри, на кой черт нам его показания? Что бы он ни показал, это не спасет его от виселицы, и он это прекрасно понимает!

– Понимает, да. Это-то и плохо, Шон. Слишком тесное пространство для торговли, – вздохнула Мэри, и подняла руку, предупреждая очередной возмущенный вопль. – Саммерс – мерзавец еще тот, но он исполнитель, не более. Есть заказчик. И есть – я в этом совершенно уверена – пособник на планете. Причем такой, которого без хороших, полноформатных доказательств не взять. Потому что эта птичка летает довольно высоко. Сам подумай, Шон, в чьей власти было убрать из системы соединение планетарной защиты? Куда делись все транспорты? Почему у нас были только «Сент-Патрик», случайно пригнанный мною «Дестини» и полдюжины спешно переоборудованных учебных корветов? Положим, я догадываюсь, чья это работа. И что толку? Представь себе, прихожу я к Маккормику и говорю ему: «Ваша честь, я знаю, кто подставил Бельтайн под бомбардировку и высадку десанта, на чьей совести все погибшие и раненые, все разрушения и пожары!» Ну так первое, что сделает Стивен Маккормик – ты ведь его знаешь! – это протянет руку ладонью вверх и проскрипит: «Доказательства, мисс!» Потому что речь сейчас идет не о пушере и не о контрабандисте, и просто так этого красавца не то что арестовать – пальцем

тронуть нельзя. А у меня только предположения и догадки, а их к делу не пришьешь. Кроме того... Вдруг я ошибаюсь? Вдруг все дело в том, что я испытываю личную неприязнь к этому человеку? Лорена, ты мне нужна. Во-первых, потому, что ты куда более сильный аналитик, чем я; зато я неплохой оперативник и смогу добыть тебе все потребные для анализа данные. А во-вторых, я хочу, чтобы кто-то, обладающий независимым суждением, проверил мои выводы. Мы должны обложить эту крысу со всех сторон. Да, и вот еще что... Некоторое время назад у меня мелькнула довольно странная мысль. Дядюшка, у нас есть карта бомбежки? Я имею в виду, какие районы пострадали и как сильно? Хочу прикинуть кое-что.

Подвал дома Моргана был, по сути, отдельной квартиркой, небольшой и хорошо защищенной. Время от времени в этом помещении содержались те представители преступного мира, которых полковник в силу разных причин не хотел проводить по документам и записям Департамента планетарной полиции. Случалось здесь жить и свидетелям, не без оснований опасавшимся за свою жизнь. Так или иначе, разместить там два профессиональных компьютерных блока, соединенных между собой и подключенных к самым мощным ретрансляторам связи, большого труда не составило. Весело переругиваясь, Шон и Генри сволокли вниз маленький холодильник, за которым О'Брайен смотался в ближайший ма-

газин бытовой техники, пока Морган вызывал техника-компьютерщика. Как ни странно, торговые кварталы Нью-Дублина почти не пострадали в результате орбитальной бомбардировки, чего, увы, нельзя было сказать о жилых пригородах. Мэри удивлялась самой себе – почему-то с орбиты она разглядела только повреждения, нанесенные космопорту и прилегающим районам... Пора переходить на штатское мышление, ты ведь почти в отставке, лапушка.

Строго говоря, кухня на первом этаже дома была оборудована более чем прилично, и прежним постояльцам подвала еду приносили, но поддержанная Лореной Мэри заявила, что на ближайшие как минимум сутки аналитикам нужна полная автономность. Копы только плечами пожали: нужна так нужна, обеспечим, не вопрос. Практика показывала, что майор Гамильтон – а пару десятков лет назад она и капитаном-то еще не была, но соображала ничуть не хуже, чем теперь – знает, о чем говорит. И если чего и требует, то только и исключительно в интересах дела. Так что не прошло и двух часов, как массивная дверь подвала, приводимая в движение сервоприводами, захлопнулась за насупившейся Лореной и Мэри, которая, сама не зная зачем, принесла вниз свою парадную форму и все еще мокрую шляпу.

– Сначала – врач, – заявила Лорена, устраиваясь в мягком кресле, придвинутом к одному из компьютерных блоков, водруженных на небольшой обеденный стол с исцарапанной столешницей, – все остальное подождет.

Мэри вздохнула, недовольно поморщилась, но, как ни крути, напарница (а когда-то – наставница) была права. Проблема состояла в том, что она отнюдь не была уверена, что готова сейчас общаться с Никитой Корсаковым. А между тем добраться до доктора Тищенко она могла только через него, он был единственным русским, чьи координаты были забиты в ее коммуникатор. Вот чем ты думала, а? Савельев же предлагал тебе содействие в добывании информации, кто мешал загрузить в память его волну? Ладно, что уж тут поделаешь... Мэри неопределенно пожала плечами, щелкнула по браслету и произнесла в пространство:

– Гамильтон – Корсакову.

Никита отозвался тут же:

– Здесь Корсаков. Рад вас слышать, мисс Гамильтон.

Она приподняла брови, услышав подчеркнуто вежливое обращение. Интересно, это оттого, что вокруг него люди или он, наконец, оценил бельтайн-ских красоток и теперь дистанцируется? Неважно... но обидно, и холодка в голос, пожалуй, можно и подпустить.

– Господин Корсаков, я нуждаюсь в вашей помощи. – (Что мужик, получил?) – Мне необходимо срочно переговорить с доктором Тищенко, но я не знаю, на какой волне это можно сделать.

– У вас проблемы? – а голос-то встревоженный... Чего ты испугался-то, а?

– Ничего особенного, просто я нуждаюсь в медицинской

консультации, а в настоящее время именно доктор Тищенко выступает в роли моего лечащего врача. К своим соотечественникам я по-прежнему не хочу обращаться.

– Я понял, мисс Гамильтон. Оставайтесь в этом канале, Станислав Сергеевич свяжется с вами в самое ближайшее время.

И в самом деле, буквально через пару минут в клипсе коммуникатора зазвучал уверенный баритон врача с флагмана русской эскадры:

– Мисс Мэри, господин контр-адмирал сообщил мне, что вам необходима моя профессиональная помощь.

– Это так, сэр. – Мэри подмигнула Лорене и перевела коммуникатор в режим громкой связи. – Тут, видите ли, вот какое дело... когда я лежала в вашем лазарете, мне здорово почистили организм и вместе с остатками коктейля были выведены все гормональные средства, которые поддерживали меня в работоспособном состоянии.

– Работоспособным вы, очевидно, называете состояние, при котором ваш организм искусственно поддерживался в рамках подавленной, практически заблокированной, фертильности? – сарказму Тищенко не было предела, но Мэри не дрогнула.

– Именно так, сэр. Я понимаю, что так не могло продолжаться до бесконечности, и собиралась перейти на свойственный обычным женщинам режим одновременно с выходом в отставку, но то, что происходит сейчас, сводит ме-

ня с ума. При нормальном течении событий я постепенно уменьшала бы дозы, а сейчас мне просто плохо. По-настоящему плохо, – в этом месте Лорена приподнялась в кресле и внимательно всмотрелась в лицо Мэри. Та сделала страшные глаза и нетерпеливо отмахнулась. Лорена, кусая губы, чтобы не рассмеяться, опустила обратно. Дурят русского, ох дурят! – И мысли путаются, а мне необходима ясная голова.

– Вам не плохо, мисс Гамильтон, – холодно возразил врач. Было слышно, как он расхаживает по лазарету, резко разворачиваясь на каблуках через каждые несколько шагов. – Вам в кои-то веки нормально. Просто вы к этому еще не привыкли. Хотя, конечно, такой резкий переход от почти полного запрета к свободной выработке гормонов ничего хорошего собой не представляет, вполне понимаю вас.

Мэри переглянулась с Лореной, закатила глаза, театрально вздохнула и снова обратилась к русскому медику:

– Хорошо, сэр, пусть так, пусть это и есть норма, но факт остается фактом, мой организм пока еще к этой норме не адаптировался, а мне надо работать.

– Вам надо в отпуск, мисс. – судя по голосу, Тищенко начал сдавать позиции, и Мэри поспешила закрепить успех:

– Сэр, если я сейчас уйду в отпуск, мы не сможем по горячим следам добраться до заказчиков всего этого безобразия, и значит, все было напрасно, и ваша работа по вытаскиванию меня с того света в том числе. – Лорена беззвучно рассмеялась. Такую изумительную комбинацию мольбы и нахаль-

ства, с ее точки зрения, смогла бы выдать далеко не каждая профессиональная актриса. – Ну помогите мне справиться с этим всплеском, ведь вы же сами признаете, что резкая смена гормонального сценария вредна для здоровья!

Врач издал глубокий капитулирующий вздох и недовольно буркнул:

– Ну хорошо, мисс, будь по-вашему. Пришлите мне список гормональных ингибиторов, которые вы принимали, и схему приема. Я подумаю, что можно предпринять, проконсультируюсь с коллегами... Если вам понадобятся какие-то препараты, имеющиеся в моем распоряжении или такие, которые придется синтезировать индивидуально, куда можно будет доставить посылку для вас?

– В офис командующего планетарной полицией, – пробормотала Мэри, торопливо создавая информационный пакет и сбрасывая его по каналу связи. – Я сейчас предупрежу полковника Моргана, их немедленно передадут мне. Спасибо вам, доктор.

Мэри, торжествуя улыбаясь, отключила связь и потому не услышала, как, разглядывая присланный ему список, от души выругался Тищенко.

Когда на следующий день, рано утром, полковник Морган, держащий под мышкой небольшой контейнер, спустился по лестнице и отворил дверь, ведущую в подвальное помещение, его глазам предстало зрелище, показавшееся ему не

слишком приятным. Он знал о склонности аналитиков при совместной работе впадать во что-то вроде транса, но странно застывшие лица любимой женщины и не менее любимой бывшей подчиненной ему откровенно не понравились. Он вдруг сообразил, что видит сейчас упрощенный вариант знаменитой «сцепки», и запретил себе даже думать о том, чей мозг был сейчас ведущим – мозг Мэри или мозг Лорены. Осторожно пристроив контейнер рядом с левым локтем Мэри, он еще раз окинул взглядом похожие на маски лица и уставившиеся в пустоту полузакрытые глаза, и тяжело вздохнул. Смотреть на это было выше сил Генри, и он в который раз подумал – так ли здорово принадлежать к Линиям, как утверждает государственная пропаганда? Вот он, полковник Генри Морган, и не линейный, и не аналитик, и тарисситового импланта у него нет – зато он может пойти прогуляться, хоть и ненадолго, но прямо сейчас. Потому что работа работой, но надо и расслабляться. А Мэри, между прочим, чуть не умерла несколько суток назад, уж он постарался вытрясти правду из этого конопатого обормота, ее двигателялиста. И вместо того чтобы взять отпуск, отоспаться, да просто выплакаться по Келли О’Брайену, она засела в подвале и роет землю носом в поисках зацепок и доказательств. Потому что ее так воспитали. Потому что долг. Потому что сдохнуть во время исполнения этого самого долга по ее представлениям вполне нормально, а хоть чуть-чуть дать себе послабление – позор и недопустимое расточительство. Эх, его бы, Морга-

на, воля... Еще раз оглянувшись на две застывшие фигуры в креслах, чья неподвижность нарушалась лишь порханием пальцев над виртуальными клавиатурами, он вышел из комнаты.

Так. Саммерс получил деньги. Откуда? Нет такой компании. Но была. Аж все время проведения трансферта. Это много, это чертовски много. Ну-ка, ну-ка... Ага, уже проще. Лорена, держи хвост. И этой компании нету? Любопытно. А если вот тут потянуть?

Каждый воспринимает виртуальность по-своему, это аксиома. Кто-то видит библиотеку, кто-то – дом с множеством комнат и коридоров, кто-то – заросший парк или языки пламени, фонтан или груды камней. Мэри Гамильтон видела клубок разноцветных ниток. И даже не клубок, а перепутанный ком. Так было всегда. Наставники пожимали плечами и говорили, что мисс Гамильтон слишком практична. Что она не получает удовольствия от самого процесса путешествия по информационному пространству и всегда приходит в него только для решения конкретной задачи. И было не так уж важно, какого рода проблема имела место: выбор ресторанчика для ужина или, как теперь, поиск связей между Джерардией Саммерсом, его нанимателями и таинственным человеком на планете. Мэри категорически приказала себе считать его анонимом, пока нет надежных доказательств и все-таки нет-нет, да пыталась начать разматывать клубок с

той нити, которая в ее представлении обозначала мистера... Анонима, анонима, чтоб ему! А какая соблазнительная ниточка, просто красота. И такая свободная, такая доступная. Ну нет, пойдем с противоположного конца. Вот в том случае, если обнаружится узелок-другой, можно будет и... А это что такое?! Какая прелесть... Значит, сейсмические стабилизаторы? Гасители волн? Замечательно, прямо-таки великолепно... регулярное техобслуживание, специалисты только с фирмы-установщика... кстати, не существующей в природе... как и компания, проводившая исследования на Бельтайне перед заказом и установкой оборудования... сколько-сколько оно стоило?... горы багажа, которые таможня пропускает в обе стороны без самого формального досмотра, это видно по скорости прохождения таможенного терминала... И все подверглись орбитальной бомбардировке. Да что же это такое, зачем Саммерсу уничтожать работающее в автоматическом режиме оборудование, от которого ему-то уж точно ни вреда, ни пользы?! Тихо, девочка, будь любезна – без истерики и неуместного (пока) сарказма. Кстати, а почему это вылезло здесь и сейчас? Какая связь? Что-о?! Вот это лихо...

Время от времени женщины вставали, чтобы размять ноги и перекусить. Душ можно было принять тут же, в подвале. Наверху царил полнейшая тишина, Морган, должно быть, отправился по делам. Обнаружив в один из перерывов присланный с русского крейсера контейнер, Мэри открыла его и

нашла внутри дюжину запаянных пластиковых ампул, инъектор и кристалл с инструкцией. Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: доктор Тищенко не считал нужным или возможным использовать комбинацию уже имевшихся в ее распоряжении средств. Воспользовавшись, должно быть, корабельной лабораторией, он синтезировал препарат, не имевший, судя по всему, даже названия. В аннотации упоминались некие медицинские светила (сплошь из Академии медицинских наук Российской империи), и приводилось подробнейшее обоснование, почему этот препарат лучше, надежнее и безопаснее тех, которыми она пользовалась до сих пор (Мэри ткнула Лорену в бок, указала кончиком светового пера на термин «противозачаточное» и демонстративно закатила глаза; Лорена хохотнула). В заключение Тищенко самым настойчивым образом просил мисс Гамильтон показаться ему в ближайшие дни для проверки действия присланного им средства. Пообещав самой себе, что выполнит просьбу симпатичного дядьки сразу же, как только у нее станет посвободнее со временем, Мэри прижала инъектор к бедру, поморщилась (уколов она не любила) и отправилась в душевую. Не то чтобы она собиралась принимать душ, но в душевой была очень мощная вытяжка, а это было весьма актуально при долговременном общении с некурящей Лореной.

И снова клубок разноцветных нитей, концы которых она время от времени перебрасывает напарнице. Искать, искать,

искать... Кому принадлежит этот счет? Что значит – не подкопаться? Все всегда оставляет следы, это не я говорю, это Савельев, старпом с «Александра». Что? Ну конечно, он безопасник. Уймись, это вполне нормально. Кстати, лично знаком с Авдеевым. Да-да, с тем самым. Ну а мы-то, по-твоему, кто? Лорена, офицер – это прекрасно, но ради того, чтобы прищучить этого гада, я не то что с русским безопасником буду дело иметь. Я через весь Нью-Дублин верхом на лошади голая проеду, как эта... как ее... из легенды. Вот именно, прикрываться будет нечем, ага. Кстати, я думаю, что волосы... леди Годивы, да?.. были не так уж и хороши. Нет, густые и длинные – допускаю, но в то время и в той местности в горячей воде мылись дважды в год. Причем в одной и той же на всех, причем хозяйка поместья стояла в очереди после слуг мужского пола. Вот-вот, и я о том же... бритой проще!

Во время очередного перерыва Мэри решила все-таки сполоснуться в душе. Тем более что начерно все было готово. Хозяин пресловутого счета, правда, так и не показал своего истинного лица, но у обеих женщин уже закончились идеи, и надо было заняться чем-то менее интеллектуальным. Выйдя из душевой, Мэри обнаружила, что Лорена спит. Мягко улыбаясь, она разложила кресло в кушетку («тссс! отдыхай, отдыхай!»), накрыла напарницу пледом и выскользнула из подвала. Кажется, она знала, как ей следует провести ближайшие несколько часов.

Глава 2

Хорошо это или плохо – в сорок пять лет быть контр-адмиралом? Если бы спросили Никиту Корсакова, ответ зависел бы от многих параметров, перечислять которые – и то замахешься. Хотя, если быть откровенным, большую часть времени ему нравилось и сравнительно недавно полученное звание, и командование «Александровской» эскадрой Четвертого крыла экспедиционного флота, и, если уж на то пошло, возможность иногда выступить в роли Золотой Рыбки. Махнул хвостом – ну, не хвостом, ну рукой, какая разница? – и кто-то получает то, что ему необходимо. Неважно, что именно: отпуск ли; замену вполне еще исправных реакторов на новые, да с такими параметрами, что закачаешься (как же он ругался в Адмиралтействе!); или просто жизнь. Впрочем, он отдавал себе отчет в том, что спасти капитана Гамильтон от явно надуманного обвинения (Устав – Уставом, но надо же и совесть иметь, господа хорошие!) было бы для него делом чести, даже не будь он контр-адмиралом. Хотя, конечно, контр-адмиралу проще. Объявил гостьей адмиральских апартаментов – и хоть разорвитесь вы все там, внизу.

Но иногда контр-адмиралом быть не так уж здорово. Даже в увольнение не у кого попроситься, чтобы разыскать на планете умную сильную женщину и поинтересоваться ее дальнейшими планами. Ведь должны же они у нее быть, ну хоть

какие-нибудь. А имеющиеся планы можно ведь и слегка под-
корректировать. Хотя что он может ей предложить? Нет, не
так: что он *готов* предложить этой гордячке, заявившей ему,
что Бельтайн имеет на нее все права, а он, Никита Корсаков
– никаких?

* * *

Устроившись за столом в кабинете Моргана, Мэри пер-
вым делом закурила. Только человек, который хоть раз в
жизни пробовал курить сигару в душевой, поймет, какое
это наслаждение – просторная прохладная комната, уютное
кресло и никакой избыточной влажности. Следовало соста-
вить план действий. Для начала ей был необходим транс-
порт. Связавшись с Шоном, она поинтересовалась, не смо-
жет ли одолжить на время один из полицейских каров. В от-
вет майор О’Брайен предложил ей воспользоваться машиной
Келли – мало того что тот не возражал бы, так еще и по за-
вещанию все его имущество отошло ей, что старший брат и
подтверждает как один из свидетелей подписания докумен-
та. «А я составила завещание на его имя...» – жалобно про-
ямлила Мэри, и Шон, судя по интонации хмыканья, сочув-
ственно улыбнулся. Они договорились, что он оставит ключ-
карту у дежурного в Департаменте планетарной полиции. Те-
перь, когда вопрос с транспортом был улажен, следовало по-
заботиться о снаряжении. Мэри не без оснований полага-

ла, что ее размеры несколько изменились за пятнадцать лет, прошедшие со времени последнего подводного погружения, поэтому, даже если Келли и сохранил ее комбинезон в целости и сохранности, толку от этого было не слишком много. Привлекать к себе внимание покупкой она очень не хотела. Звание ап Бельтайн, почетное и уникальное, сейчас работало против нее: где бы она ни появилась, ее тотчас узнали бы, а менять внешность не было ни сил, ни желания. Кроме того, чтобы изменить внешность, ей опять-таки требовалось оказаться в соответствующей лавке. И продемонстрировать как минимум продавцу – а, стало быть, и всем его знакомым, и знакомым знакомых, и так далее – как будет выглядеть мисс Мэри Александра Гамильтон с помощью переодевания и парика. Оставалось... ну да, конечно. Снова идти на поклон к Корсакову. Правду сказать, Мэри понятия не имела, каким именно снаряжением комплектуются штурмовые подразделения русского Экспедиционного корпуса. Но исходя из размеров Империи и того, сколь неожиданные – и разнообразные! – вещи внезапно оказывались в сфере ее интересов... Короче, следовало попробовать. Мэри подняла глаза на настенный хронометр: семь утра. Интересно, на Бельтайне ли Никита? И если да, то по какому времени он живет – по корабельному или по планетарному? Сутки на Бельтайне продолжались двадцать восемь стандартных часов, существенно отличаясь, таким образом, от принятых за эталон двадцатичетырехчасовых суток старой Земли. И если русский команду-

ющий, что вполне возможно, пользуется корабельным временем, во всех флотах традиционно настроенным на стандарт, то который в данный момент с его точки зрения час? Ладно, риск – дело благородное... как утверждают те, кто ни разу в жизни не рисковал. Решив, что сегодняшняя просьба не такая уж срочная, Мэри отправила стандартный вызов со стационарного коммуникатора, и была приятно удивлена, когда Корсаков отозвался сразу же.

– Доброе утро, Мэри. Решила озаботиться моим режимом дня? – ни следа давешней официальности в голосе не осталось.

– Доброе утро. Ты можешь выйти на визуальную связь?

– Никаких проблем! – и большой экран перед ней осветился. Должно быть, Корсаков тоже недавно принимал душ: коротко остриженные волосы торчали во все стороны темными от влаги иголочками, из одежды присутствовали только легкие тренировочные штаны, стянутые на талии шнуром, только что выбритый подбородок как будто светился. Мэри недовольно поджала губы: душ душем, но на ней была сейчас все та же куртка Моргана, слишком широкая в плечах и с подвернутыми рукавами. Майор Гамильтон в принципе не терпела выглядеть распустехой, а уж перед этим конкретным мужиком... невыносимо! Так, похоже, снадобье, присланное русским медиком, еще не подействовало. Иначе она вряд ли стала бы выделять Корсакова... Впрочем, что-то исправить во внешности она сможет не раньше, чем доберется до сво-

их немногочисленных штатских вещей. Следовательно, нет никакого смысла переживать по этому поводу. По крайней мере, сейчас.

– Никита, я рискую показаться тебе меркантильной, но я опять беспокою тебя по делу, – она слегка пожала плечами и виновато улыбнулась, увидев, как мгновенно подобрался собеседник.

– Доктор Тищенко не смог тебе помочь?

– Смог. Он сделал даже больше, чем я рассчитывала. Вопрос в другом. Скажи, на «Александре» найдется комбинезон для подводного плавания? Такой, чтобы я могла надеть?

– Разумеется, – не задумываясь ни на секунду, ответил Никита. – Ты хочешь поплавать? Прекрасная мысль, хоть отдохнешь...

– Речь не об отдыхе, – усмехнулась Мэри. – Мне надо кое-что проверить, а объект проверки на изрядной глубине. Вот я и подумала – если у твоих подчиненных такое снаряжение имеется, то оно наверняка профессиональное и уж точно надежнее того, которое я смогла бы приобрести здесь. Кроме того, я не хочу светиться в магазинах. Я ведь теперь что-то вроде местной достопримечательности, – она досадливо поморщилась. – Позавчера в аптеке – уж на что час был ранний! – и то толпа собралась...

– Разумно. Снаряжение ты получишь в любое время, начиная с трех часов от текущего момента. А меня с собой возьмешь? За компанию? – лукавая улыбка сделала его ли-

цо почти мальчишеским. Мэри, не привыкшая к тому, что кто-то может – и хочет – решать ее проблемы, с облегчением рассмеялась:

– С удовольствием. Ты сейчас где? – обстановка комнаты за спиной Никиты казалась ей смутно знакомой, она что-то напоминала, что-то очень приятное...

– В отеле «Спрингфилд». Это...

– Я знаю, где это, – перебила его Мэри, мысленно обзывая себя тупицей. Да что это с ней такое, как можно было не узнать номер «Спрингфилда»? Нет, точно пора в отставку. – Мне случалось жить в этом отеле. Правда, это было давно. Договорились, я за тобой заеду. Через три часа?

– Можно и раньше. Если ты скажешь мне, где именно тебе понадобится снаряжение, его доставят прямо туда. Ты же не в городской черте собираешься погружаться?

– Нет, конечно. Туда лететь... ммм... часа два, наверное. Ну, полтора, сейчас вряд ли будут забиты коридоры.

– А есть на чем лететь? Я могу вызвать катер...

Мэри замялась, прикидывая плюсы и минусы подобного решения, потом покачала головой:

– Знаешь, машина у меня есть, то есть вот-вот будет, и мне бы пока не хотелось афишировать свой интерес и твое участие... Я ведь не на увеселительную прогулку собралась...

Корсаков понимающе кивнул:

– В таком случае, давай мне координаты того места, куда мы направляемся, и забирай меня отсюда, скажем, через

полтора часа. Годится?

– Вполне!

Вызванное Мэри такси появилось в мгновение ока и домчало ее до Департамента планетарной полиции удивительно быстро, несмотря на довольно интенсивное движение. Нью-Дублин постепенно оживал, и жители его, от природы бесстрашные и скорые на дружбу и вражду, возвращались к привычной жизни. Зеленщики раскладывали свой товар на уличных прилавках, языкастые кумушки отчаянно торговались, где-то меняли вылетевшие во время бомбежки стекла, с полдюжины угрюмых мальчишек подметали дорожки возле церкви под руководством молодого энергичного священника. Совсем крохотная девчушка вылетела из переулка на площадь, задавшись, очевидно, целью обогнать здорового волкодава. Волкодав явно поддавался, ухитряясь одновременно с игрой держаться между маленькой хозяйкой и уже довольно многочисленными прохожими. Мэри поймала себя на том, что любит этот город, этих людей, эту планету. Любит, но с недавних пор предпочла бы делать это издалека. Смерть Келли О'Брайена сделала эту землю чужой. Да, здесь было немало тех, с кем ей было приятно работать и общаться, но, похоже, именно Келли делал Бельтайн тем местом, куда ей хотелось однажды вернуться... Мэри решительно встряхнулась, велела таксисту подождать и направилась в хорошо знакомое здание.

В холле было почти пусто. До официального начала рабочего дня оставалось около часа, но, похоже, дело было не только в этом. По дороге в Департамент Мэри прослушала полицейскую сводку, и эта самая сводка ей совсем не понравилась. Мародерство. Грабежи. Разбойные нападения. Недавняя встряска прорвала плотину и теперь на поверхности кружилась мутная, вонючая пена. Ничего, ребята справятся. В конце концов, можно будет привлечь к патрулированию улиц резервные части планетарного развертывания. Да и прибывающие в увольнение члены команд имперских крейсеров способствовали поддержанию порядка. По крайней мере, там, где гуляли русские, ничего экстраординарного не происходило, дураков связываться не было. Что же касается сельских районов, то не завидует она тем, кто сунется к Мозесу Рафферти или тому же Тому Бейкеру на предмет слегка пограбить. А если она хорошо сделает свою работу, то судебный процесс прогремит на всю планету и слегка остудит накал разгулявшихся страстей. Кроме того, сейчас просто жизненно необходимо показать, что полиция Бельтайна в состоянии разобраться не только с обнаглевшими уличными бандами. Потому что помимо чистой уголовщины появились и явные признаки кастового противостояния. Во всяком случае, еще пару недель назад невозможно было даже представить себе надпись на стене Центрального госпиталя, проклиная Линии. Собственно, к этому давно шло. Подспудные противоречия постепенно накапливались,

в последние годы быстрее, чем во времена ее юности. И Мэри не исключала, что каплей, переполнившей чашу терпения нелинейных жителей планеты, стал тот факт, что на «Сент-Патрик» загрузили только кадетов Звездного Корпуса. И кому какая разница, что времени на организацию эвакуации не оставалось. Что транспорт был один-единственный. Что одно дело посадить на него компактную группу дисциплинированных по определению детей и подростков и совсем другое – пытаться собрать и призвать к порядку тех, кто само слово «дисциплина» если и слышал, то воспринимал как надоевшую присказку зануды-учителя. Что, наконец, далеко не все дети Линий получили место на этом самом транспорте. Похоже, после орбитальной бомбардировки Бельтайну предстояли социальные потрясения, сопоставимые с ней по разрушениям и жертвам. Ей надо торопиться, и вопрос отнюдь не только в необходимости проявить пунктуальность при встрече, назначенной командующему союзников.

Получив от осунувшегося, мрачного дежурного две ключ-карты – от дома и от машины – и адрес Келли, о котором она до сих пор не имела ни малейшего представления, Мэри вернулась к ожидающему такси. По счастью, дом, половину которого занимал Келли, уцелел. Она прошла по посыпанной гравием дорожке, отперла дверь и впервые в жизни очутилась в жилище своего бывшего напарника. Типичная холостяцкая берлога пришлась ей по душе. Похоже, ее друг не слишком стремился к изысканности, предпочитая сдержан-

ный комфорт. Спальня с широкой, тщательно застеленной кроватью... Гостиная, поражающая навороченностью музыкальной установки... Скромная ванная комната и гардеробная рядом... Ощущая какое-то болезненное любопытство, она заглянула в гардеробную. И с удивлением обнаружила там, помимо вещей хозяина, одежду, которую использовала во время вылазок в Пространство Лордан и на пикники, в ходе которых Келли учил выросшую на орбитальной станции девушку ездить верхом, нырять и разводить огонь. Наличие штатских вещей пришлось весьма кстати, и Мэри с удовольствием переделалась. Конечно, рубашки были тесноваты в плечах и груди, но одна из них, когда-то слишком большая, сейчас оказалась почти как раз. Размер ноги так и вовсе не изменился с тех пор, как ей было восемнадцать. Так что теперь она могла снять форменные ботинки и надеть другие, легкие и больше подходящие для вылазки на Западный архипелаг. Напоследок она заглянула в кухню – просторную и неожиданно аккуратную. Только на разделочной доске стоял забытый, должно быть, в спешке стакан с остатками высохшего сока на стенках. Мэри узнала его: именно этот стакан, тяжелый, золотисто-коричневый с прозрачными разводами, она подарила Келли по завершении контракта в Венецианской Республике... Мэри вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха. Почему-то именно сейчас, при виде стакана, который Келли не успел вымыть, а теперь уже никогда не вымоет, она окончательно поняла, что его больше

нет. Стакан есть, внушительная коллекция шейных платков тоже, гель для бритья в ванной... А Келли нет. Совсем. И не будет уже никогда.

Очнулась она в машине. Должно быть, она сидела так уже какое-то время, потому что сухонькая старушка, грустно потряхивающая седыми кудряшками, явно не в первый раз спрашивала, не может ли она чем-нибудь помочь молодой леди. Может быть, воды? Или послать за доктором? Он, конечно, очень занят сейчас, столько работы, мисс, вы же понимаете, но для подруги мистера О'Брайена... Неожиданно для самой себя Мэри поняла, что рассказывает незнакомке о том, что когда-то служила вместе с Келли, а та соболезнующе кивает и приглашает ее к себе, выпить чаю с булочками... Тесто уже подошло, осталось только испечь, много времени это не займет... При слове «время» Мэри подскочила на сиденье, бросила взгляд на хронометр и оглянулась на багажный отсек: все необходимое было на месте, хотя она совершенно не помнила, как загружала ранец с двигателем и камеру для подводной съемки. Торопливо распрощавшись со словоохотливой старой дамой, укоризненно покачавшей головой вслед взбалмошной девице, она захлопнула фонарь кабины и рванула в сторону «Спрингфилда», нарушая все мыслимые и немыслимые правила передвижения в городской черте. Еще совсем чуть-чуть, и она опоздает.

Когда Никита вышел на крыльцо отеля, в котором Совет

Бельтайна снял апартаменты для высоких гостей, Мэри уже ждала его. Пожалуй, не сообщи она цвет и номер машины, он прошел бы мимо, потому что на водительском месте сидела... ох, и слова-то другого не подберешь – оторва. Ноги были затянуты в черные штаны, заправленные в высокие, не более чем на ладонь не доходящие до колен, ботинки, и непринужденно покоились на панели приборов. Черная майка плотно облегла вполне заслуживающий внимания торс, пронзительно-голубая, как крыло зимородка, распахнутая рубаша использовалась в качестве легкой куртки. Того же цвета бандана и огромные, в пол-лица, непроницаемо-черные очки дополняли картину. Плавным, неуловимым движением ноги стекли с приборной панели. Рука приветственно взмахнула, указывая на соседнее сиденье, поляризаторы на секунду посветлели, продемонстрировав слегка покрасневшие глаза. Никита восхищенно покрутил головой, уселся рядом с Мэри, пристегнулся, и машина легко тронулась с места.

Взлетев, Мэри, глядя перед собой и ловко встраиваясь в несущийся над узкой улицей поток машин, поинтересовалась:

– Ты завтракал? Я предлагаю заскочить за сэндвичами, нам еще далеко лететь.

– Полностью полагаюсь на тебя, – усмехнулся Никита. – Я не только не знаю о цели нашего путешествия ничего, кроме координат, я еще и понятия не имею, где что следует поку-

пать в этом городе.

– А, ну это просто. Выпечку берут у Хопкинса, колбасы у Эшби, а лучший сыр продает тетушка Абигайль, – протараторила Мэри, косясь на своего спутника. Очки она сдвинула на лоб, как только машина взлетела, и Корсаков ясно видел, что над ним подсмеиваются, впрочем, вполне добродушно. Не поддержать игру было грех, поэтому он нахмурил брови и с деланой озабоченностью осведомился:

– Надеюсь, эти достойные господа торгуют поблизости друг от друга?

– Не беспокойтесь, господин контр-адмирал, – льстиво пропела Мэри, – мы не потеряем ни одной лишней минуты.

И действительно, не прошло и получаса, как весьма объемистая корзина заняла свое место за пассажирскими сиденьями, а Мэри, поднявшая машину до скоростного горизонта, принялась вводить координаты в автопилот.

– Кстати, Никита, а ты своих предупредил, куда направляешься? Потеряют еще командующего, шуму будет...

– Предупредил. И координаты дал.

– Знаешь, что... Давай-ка ты на всякий случай дашь и автоматический позывной этой птички. Я ее, правда, планирую отправить полетать сразу же, как только доберемся до места, но пусть последят. И им поспокойнее, и меня совесть угрызать не будет, а то я ведь тебя, считай, похитила.

Никита ухмыльнулся, но мысль признал дельной и связался с «Александром». Минуту спустя рубка подтвердила при-

ем позывного и включение объекта в список отслеживаемых. Потом они минут сорок летели, наслаждаясь видом на океан и острова и болтая о пустыках. Однако Никиту по-прежнему беспокоили покрасневшие глаза Мэри и ее странное, постоянно меняющееся настроение, поэтому он решил все-таки попробовать расспросить свою спутницу, тем более что лететь было еще далеко.

– Эээээ... Мэри, послушай, возможно, это не мое дело, но... ты сегодня не выпалась или плакала?

Мэри развернулась в кресле так, чтобы видеть собеседника и криво усмехнулась:

– Сначала не выпалась, потом плакала. Знаешь, это ведь машина Келли. Он все свое имущество завещал мне, представляешь? Впрочем, я тоже все завещала ему, теперь вот менять надо... Муторное это дело, скажу я тебе – завещание составлять. Да, ну так вот... Пришла я забрать машину и дернул меня черт зайти в дом. С одной стороны, здорово: оказалось, что Келли сохранил мою одежду еще с тех пор, как таскал меня, девчонку, на пикники. Иначе мне пришлось бы отправляться на эту прогулку в рубахе и штанах дядюшки Генри. А с другой... Похоже, я только сегодня до конца осознала, что мой друг ушел навсегда, – она вздохнула и предостерегающе подняла руку: – Я знаю, о чем ты хочешь спросить. Любила ли я Келли? Нет. По крайней мере, не так, как это показывают в сериалах, которые клепают Рак Мехисана. Но останься он в живых и предложи мне стать его

любовницей – я не колебалась бы ни секунды. Видишь ли, он каким-то образом ухитрялся находить применение тем сторонам моей натуры, которые не были востребованы ни флотом, ни монастырем, ни полицией. Я нравилась ему такая, какая я есть. Он уважал мои достижения, но они не то чтобы не имели никакого веса в его глазах, просто я устраивала его и без орденов и успешно выполненных контрактов. Понимаешь, Келли было глубоко безразлично, какой я пилот или полицейский, ему просто нравилось видеть меня счастливой. Он, думаю, любил меня – именно меня, а не капитана Гамильтон. Кажется, он был один такой. Может быть, еще полковник Морган, да и то... Дядюшка, сдается мне, видит во мне дочь, которой у него никогда не было, а это, согласись, совсем другое дело.

– Гм... А могу я быть нескромным до конца? – Никита дождался утвердительного кивка и продолжил: – Ты сказала, что стала бы его любовницей. А женой? Если бы он предложил тебе выйти за него замуж?

– Замуж? Нет, Никита, – усмехнулась Мэри, – замуж за Келли я бы не вышла. Мы слишком похожи и максимум через месяц совместной жизни началось бы подспудное выяснение, кто в доме хозяин. Для друзей неважно, что женщина старше по званию, а вот для супругов... для такого гордеца, как Келли... И потом, я ведь больше трети жизни командую людьми. Принимаю решения для них и за них. Впрочем, подчиняться командованию я тоже умею. Как любой офи-

цер. Но очень не люблю. Как любой первый пилот. А Келли когда-то, лет пятнадцать назад, был моим напарником, но он никогда не был моим командиром. Поженись мы – и ему пришлось бы каждый день доказывать свое право командовать мной даже в таких вопросах, как количество яиц, из которых предполагается делать омлет на завтрак. Может быть, ему это удалось бы. Но, зная Келли О’Брайена, я могу с полной уверенностью утверждать, что ему очень быстро осточертело бы такое положение вещей. И это справедливо, поскольку дом должен быть надежным тылом, а не полем битвы. Как ты думаешь, почему первые пилоты практически не выходят замуж и даже в сколько-нибудь длительные неформальные партнерства вступают редко? Подчиненных нам и на службе хватает, а потенциальный командир в качестве супруга... две альфы под одной крышей... кошмар! Мы хорошие приятельницы, но плохие жены, Никита. – Мэри замолчала, снова повернулась лицом по курсу, что-то тронула на приборной панели. Корсаков понял, что разговор окончен.

Машина сделала круг над крохотным островком и приземлилась на небольшом каменистом пляже, окруженном изрядно выветренными скалами, поросшими какими-то невзрачными лиловыми цветочками. От пляжа в море уходил потрепанный временем и волнами, но все еще довольно крепкий временный пирс. Сунув Никите корзину с припасами, Мэри выгрузила из багажного отсека ранец и камеру и

ткнула клавишу ввода второй части программы автопилота. Дождавшись отлета машины, она повернулась к Корсакову, наткнулась на насмешливый взгляд и мысленно пожалала плечами. Что бы ни показалось забавным ее спутнику, сейчас ее интересовало главным образом обещанное снаряжение. Верно поняв значение демонстративного взгляда на хронометр в сочетании с приподнятой бровью, Никита что-то пробормотал по-русски в коммуникатор, выслушал ответ и торжественно заверил ее, что все, что требуется мисс Гамильтон, будет доставлено через полчаса. В действительности прошло не более двадцати минут. Во всяком случае, все, что они успели – это распаковать на пирсе корзину и съесть по паре сэндвичей. Никита как раз протянул руку к третьему, когда низкий вибрирующий гул накрыл островок. Мэри подняла голову и осторожно отставила в сторону пластиковую флягу с соком. На пляж величественно опускался десантный катер. Пробормотав что-то не слишком почтительное по поводу основательности службы доставки в Экспедиционном флоте Российской империи, Мэри вслед за Никитой поднялась на ноги и направилась к катеру. Мощная машина, разметав в разные стороны груды мелких камешков, утвердилась, наконец, на опорах. Люк открылся, и она невольно замедлила шаг. Потому что навстречу им по трапу спустились полтора десятка таких громил, что даже Мэри, привыкшая к обществу Рори О’Нила, несколько растерялась. Каждый из десантников нес на плече объемистый тюк. Идущий впереди

командир подразделения тащил сразу два. Шагах в десяти от вышедшего вперед Никиты он опустил свою ношу на землю и дальше пошел налегке. Его подчиненные тоже разгрузились, часть их вернулась в катер и поволокла оттуда наружу что-то длинное, толстое и явно тяжелое. Тем временем Никита принял доклад, обменялся с командиром, нет-нет, да и косящимся на спутницу контр-адмирала, несколькими фразами по-русски и повернулся к Мэри. На лице его читалось желание полюбоваться ее реакцией на происходящее, и она предоставила ему такую возможность. Голова склонилась к правому плечу, губы искривила насмешливая улыбка и нежнейший голос – Никите почему-то представилась бархатная перчатка на стальном кулаке – ласково поинтересовался на уника:

– Что это, господин Корсаков?

– Ваше снаряжение, мисс Гамильтон. Вы же не думали, что я отпущу вас... хм... «кое-что проверить»... в одиночку? – он примирительно улыбнулся и добавил: – Я знаю, что вы сейчас хотите мне сказать...

– Не знаете, сэр, – непочтительно перебила его спутница. – Отпрыскам благородных фамилий такие слова знать не полагается, – фыркнула она, а командир десантников поперхнулся, изо всех сил удерживая на лице серьезное выражение. Мэри повернулась к нему: – Сэр?

– Лейтенант Терехов, госпожа майор! – так же на уника отозвался тот.

– Если ваши подчиненные забрали из катера все необходимое, я хотела бы переодеться в нем. Это возможно?

– Так точно, мэм, прошу вас, – с этим словами он направился к оставленным тюкам, а Мэри, подойдя к Никите вплотную и привстав на цыпочки, выдохнула ему в ухо. «Спасибо!» с таким чувством, что он тут же забыл, чем собирался ответить на ее реплику. Улыбнувшись и изобразив поцелуй не столько даже губами, сколько выражением глаз, она направилась к терпеливо дожидавшемуся лейтенанту, приняла у него из рук один из тюков, оказавшийся весьма увесистым, и скрылась в катере. Когда четверть часа спустя она спустилась по трапу, уже облаченная в костюм для погружения, со шлемом и ластами в руках, она обнаружила, что десяток десантников, включая командира, одеты так же, как она, а остальные ведут к воде платформу, приводимую в движение, судя по всему, компактным антигравом. Выданный ей комбинезон оказался чудо как хорош: ее босые ноги отделяла от острых камней пляжа лишь тонкая упругая ткань, но она не ощущала никаких неудобств. Костюм облегал ее как вторая кожа, но при этом не мешал двигаться и дышать полной грудью. С таким снаряжением она до сих пор не сталкивалась – впрочем, откуда бы последним разработкам имперских химиков, технологов и материаловедов взяться в бельтайнских магазинах? В целом она чувствовала себя замечательно, да и восхищение на лицах русских пловцов согревало кровь, отодвигая в сторону смутное предчувствие круп-

ных неприятностей. Это предчувствие не оставляло ее с того момента, как она раскурила сигару в кабинете Моргана. Разговаривавший с лейтенантом Никита обернулся и широко улыбнулся ей, невысокой и изящной в сравнении с людьми Терехова. Впрочем, к тому моменту, когда она приблизилась, улыбка уступила место строгому, отстраненному выражению.

– Господин лейтенант, вы и ваши люди поступаете в распоряжение майора Гамильтон вплоть до получения от меня других указаний.

– Так точно, господин контр-адмирал! – вытянулся тот. Больше он не сказал ни слова, даже не обернулся, но столпившиеся за его спиной пловцы молниеносно построились и застыли, глядя на Мэри. Она окинула взглядом своих новых подчиненных, скомандовала: «Вольно, господа!», выставила перед собой ладони поднятых рук, а потом плавно опустила их. Повинуясь этому жесту, исполненному уверенной силы, десантники уселись на землю и приготовились слушать. Мэри кашлянула, собираясь с мыслями, и неторопливо, обстоятельно начала инструктаж.

– Господа! Я оказалась в весьма незавидной ситуации: еще полчаса назад я понятия не имела о том, что мне придется ставить задачу подразделению, возможности которого известны мне весьма приблизительно. Поскольку вам мои способности командира не известны вообще, да и странно было бы пилоту командовать десанниками, – она скупо улыб-

нулась в ответ на появившиеся на лицах мужчин одобри-
тельные ухмылки, – мы находимся в примерно равном поло-
жении. И нам ничего не остается, как попробовать достичь
взаимопонимания, без которого вся эта затея обречена на
провал. – Казалось, она просила. Но в голосе не было ни
единой просительной нотки, ни одно неуверенное движение
не нарушало горделивого спокойствия осанки. – Для нача-
ла – краткий исторический экскурс. Около десяти лет на-
зад на Бельтайн прибыла исследовательская группа. Резуль-
татом ее работы стала категорическая рекомендация устано-
вить на планете сейсмические стабилизаторы, которые поз-
волили бы нейтрализовать последствия избыточной сейсми-
ческой активности и гасить порожденные этой активностью
волны. Практика установки такого оборудования давно из-
вестна и общеупотребительна, никаких вопросов ни у ко-
го не возникло. Был проведен тендер, выигранный компа-
нией «Трансплэнет Эквипмент», представившей великолеп-
ные рекомендации. Оборудование доставили и установили,
впоследствии та же компания осуществляла техническое об-
служивание. В ходе орбитальной бомбардировки, которой на
днях подвергся Бельтайн, все, подчеркиваю, все сейсмоста-
билизаторы были разрушены. Поскольку я, как и положено
женщине, – еще одна скупая улыбка, – весьма любопытна,
меня заинтересовала такая странная избирательность. Я тер-
петь не могу, складывая два и два, получать пять. Поэто-
му мною было предпринято небольшое частное расследова-

ние, результаты которого оказались весьма своеобразными. Имена людей, прибывших в составе исследовательской группы, широко известны в области сейсмологии и вулканологии. Но, к сожалению, во время работы упомянутой группы на моей планете все они находились совершенно в других местах, чему есть масса свидетелей. Фирма, якобы пригласившая группу, возникла из небытия перед прибытием так называемых «исследователей» на Бельтайн и растворилась в воздухе сразу по завершении работ. Компания «Трансплэнет Эквипмент» попросту не существует, есть, точнее – были, номера счетов и это все. Так что я даже предположительно не могу вам сказать, какого рода оборудование было установлено там, внизу. Повторяю, я понятия не имею, что это такое и кусается ли оно, но твердо намерена это выяснить. Я не верю в совпадения, особенно когда они сопровождаются орбитальной бомбардировкой, – голос бельтайн-ки был суше самого изысканного брЮта. – И я просто обязана предупредить вас: если вы совершите погружение вместе со мной, это будет в самом прямом смысле поговорки влезание в воду, не зная брода. – Мэри замолчала, переводя пытливый взгляд с одного лица на другое. – Место для погружения было выбрано мной по принципу наименьшей удаленности от береговой линии и наименьшей глубины. Ведь в тот момент, когда мне пришла в голову мысль, – губы ее скривились в саркастической усмешке, – немного развеяться путем подводной охоты, я не могла даже предположить, какое роскошное со-

провождение у меня будет. Однако, поскольку глубина действительно невелика, существует ненулевая вероятность того, что оборудование – каким бы оно ни было – сильно пострадало. Возможно также, что оно полностью уничтожено. Я, разумеется, надеюсь на лучшее, но... – она пожала плечами. – Вопросы, господа?

– Вопросов нет, госпожа майор, – поднялся на ноги Терехов. – Я предлагаю отправиться немедленно. Вы позволите проверить подгонку снаряжения?

– Действуйте, лейтенант, – кивнула Мэри, и Никита, который, стоя в сторонке и наблюдая за процессом, невольно сжал кулаки. Умом он понимал, что командир десантников просто делает свою работу. Но сильные руки, деловито подтягивающие комбинезон на талии и плечах, ему хотелось оторвать. Терехов, не подозревающий о грозящей ему опасности, сопровождал свои действия краткими пояснениями по поводу управления двигателем, которые Мэри повторяла за ним слово в слово. Наконец все было готово. Коммуникатор Мэри заменили стандартным флотским, и вскоре Корсаков стоял на берегу, глядя на быстро удаляющуюся платформу и задумчиво подбрасывая на ладони остывающую клипсу, которую она вынула из уха. Двое десантников из тех, кто не стал переодеваться, остались с ним, еще трое отправились на платформе в качестве группы обеспечения. Отойдя от бродящих по берегу парней, Корсаков подумал, не послать ли конфиденциальный вызов Терехову. Ну про-

сто так, напомнить, что за майора, которой его переподчинили, лейтенант отвечает всеми выступающими частями тела. Нет, так дело не пойдет. Надо по возможности спокойно сидеть, ждать докладов и надеяться, что десяток десантников уж как-нибудь да смогут уберечь одну женщину.

Платформа дошла до указанных Мэри координат быстро. Расстояние от берега было едва ли три мили, но глубина уже была довольно значительной. Наблюдавший за эхолотом сержант поднял голову:

– Есть!

Мэри и Терехов, до того сидевшие у борта платформы и перекидывавшиеся короткими байками – одна неоднократно прикрывала высадку десанта, другой участвовал в таких высадках под прикрытием – поднялись на ноги и подошли к развернутому в воздухе виртуальному дисплею. За их спинами сгрудились, вытягивая шеи, остальные.

– М-да... – протянула Мэри, переглянувшись с командиром десантников и снова уставилась на поворачивающуюся на дисплее модель. – Дрянь дело. Хотя... Как вас зовут, лейтенант?

– Даниил, госпожа майор.

– Без чинов, Дан. Меня зовут Мэри. Смотрите, похоже, юго-восточный сектор пострадал не так сильно. Ну-ка, парень, – кивнула она сержанту, – дай мне максимальное приближение.

Юго-восточный сектор находящегося под ними сооружения занял весь дисплей.

– Угу. Можно попытаться зайти вот отсюда, – она обозначила место затянутым в перчатку пальцем. – Ваше мнение, Дан?

– Согласен с вами, Мэри. Только... – русский десантник замялся.

– Слушаю вас.

– Я не знаю, как должен выглядеть сейсмический стабилизатор, но это больше всего похоже на развалины жилого купола.

– Вот именно, – взгляд Мэри стал жестким. – В отличие от вас, я знаю, как выглядит сейсмостабилизатор, и под нами точно не он. Ну что, пошли?

Терехов помог ей приладить шлем, лично запустил систему подачи и регенерации воздуха и показал, как включить мощный фонарь и камеру панорамной записи. Да, что ни говори, такое снаряжение она не купила бы ни за какие деньги. Теперь она знала, что так развеселило Никиту на пирсе: по сравнению с этим великолепием ранец и камера, прихваченные ею в доме Келли, выглядели попросту жалко. Мэри закрепила ласты, подмигнула Даниилу через прозрачное до полной невидимости стекло шлема, махнула рукой – «Делай, как я!» – и, перевалившись через борт платформы, канула в воду.

Если у лейтенанта Терехова и были какие-то сомнения относительно уровня подготовки майора Гамильтон, они исчезли почти сразу. Разумеется, профессиональным пловцом и ныряльщиком она не была, но снаряжение для подводного плавания явно надела не впервые. Движения ее были отточено-экономны, она уверенно опускалась по пологой дуге, умело корректируя направление и скорость погружения. Терехов поймал себя на мысли, что прикрывать ее не составит большого труда. Вскоре они достигли наименее пострадавшей части подводного комплекса. Вездесущие водоросли покрывали разрушенное строение, наплевав, должно быть, на абсолютную гладкость металлопластовых стен. Мэри без возражений позволила огромным десантникам вежливо оттеснить ее в сторону. Общась между собой в основном знаками, они за несколько минут расчистили лаз в верхней части изрядно покосившейся стены. Двое двинулись внутрь, следом скользнул Терехов, и только потом в проход, оказавшийся отверстием в переборке полузаваленного коридора, разрешили проплыть Мэри, спину которой защищали еще двое парней. Остальные получили указание «приглядывать вокруг».

Двинуться налево мешали груды обломков, пришлось плыть направо. Первая находка обнаружилась метрах в пяти за поворотом коридора. Совсем молодая женщина с широко открытыми глазами защитным жестом прижимала мертвые руки к огромному животу. Мэри коснулась плеча Терехова,

и тот перешел с циркулярной связи на личную:

– Слушаю вас, госпожа майор, – забыв, должно быть, при виде утопленницы распоряжение об общении без чинов.

– Дан, мы сможем ее поднять? – она пыталась контролировать голос, но предательская дрожь прорывалась через всю собранную в кулак выдержку. – Я... я не хочу оставлять ее здесь. И потом – Господи, прости меня! – это улика. Вещественное, будь оно все проклято, доказательство!

– Поднимем, Мэри, – спокойная деловитость опомнившегося лейтенанта помогла ей собраться. – Возвращаемся или дальше?

– Дальше.

– Тогда заберем ее на обратном пути, – несколько скупых жестов, сопровождающие кивнули, и, сохраняя прежний порядок передвижения, все шестеро поплыли дальше. Мэри боролась с почти непреодолимым желанием обернуться – ей казалось, что покойница укоризненно смотрит ей вслед. Некоторое время спустя им попались еще два трупа, на этот раз мужчин, одетых в хирургические робы. Частично разрушенное оборудование в просторных комнатах ничего не говорило Мэри – такую технику она видела впервые, хотя и могла с некоторой долей уверенности отнести ее к медицинской епархии. И теперь она только безостановочно водила головой из стороны в сторону, чтобы в поле зрения камеры с гарантией попало все. О том, что камера панорамная, она попросту забыла. Потом, все потом. Анализ, консульта-

ции специалистов, скрупулезная покадровая разборка заснятого... Вдруг самый первый из пловцов, заглянувший через приоткрытые перекошенные дверные створки внутрь одного из боковых помещений, отпрянул так резко, что его даже закрутило на месте. Следующим к дверям подоспел Терехов. Бросил взгляд, развернулся спиной к щели между створками и решительно выставил руку ладонью вперед.

– Вам не стоит смотреть на это, Мэри, – зазвучал в ее ушах сдавленный голос. – Честное слово, не стоит.

Мэри, которая уже порядком устала от ненавязчивой, но постоянной опеки, только поджала губы и повела рукой. Мрачный лейтенант уступил ей место, и секунду спустя она пожалела о своей настойчивости. Резкий свет фонаря выхватил из мрака две койки и их хозяев. Хозяевам было лет по пять, не больше. Слабые бледные тела и непропорционально большие головы делали зрелище еще более жутким. Не говоря ни слова, Мэри попыталась разжать дверные створки. Терехов так же молча отстранил ее, махнул рукой десанникам и те принялись растаскивать заклиненные панели.

– Забираем? – спросил лейтенант, когда щель стала достаточно широкой для того, чтобы внутрь смог пробраться человек.

– На обратном пути, – зло процедила сквозь стиснутые зубы Мэри и двинулась вперед, не дожидаясь сопровождения. Впрочем, над ее головой тут же мелькнули две гибкие тени. Вскоре коридор уперся в еще один завал, на этот раз не дохо-

дящий до потолка. Однако проем между рухнувшими блоками и перекрытием был совсем нешироким. Блоки, как мельком отметила Мэри, были куда массивнее и тяжелее тех, с которыми маленькому отряду приходилось сталкиваться до сих пор. Немалый интерес вызывала и видневшаяся за ними искореженная дверь изрядной толщины, похоже, сейфовая. Что бы ни было там, за этим завалом, оно, должно быть, представляло собой ценность куда большую, нежели люди. Мэри всплыла к проему, осветила комнату, взгляделась...

– Дан, – повернулась она к Терехову, – мне надо туда.

– Исключено, Мэри, – резко бросил тот. – Ни один из нас туда не протиснется, а за вашу безопасность я отвечаю в прямом смысле слова головой, которой мне как пить дать не сносить, если с вами что-нибудь случится.

– Дан, взгляните, – она слегка посторонилась, – видите контейнер, вон там? Его необходимо достать. Эту штуку охраняли тщательнее, чем что бы то ни было в этом поганом местечке, во всяком случае, из того, что до сих пор попало нам на глаза. Я должна его добыть, понимаете, должна! Дан, пожалуйста, я не так широка в плечах, как вы и ваши люди, я смогу туда пробраться...

Терехов произнес по-русски короткую фразу, которую Мэри интерпретировала как ругательство, и снова перешел на уник:

– Хорошо. Будь по-вашему.

На ее поясе защелкнулся карабин страховочного троса, и

Мэри буквально ввинтилась в узкое отверстие. Не более чем через минуту ее руки вытолкнули наружу прозрачный контейнер, с трудом прошедший сквозь проем. Терехов принял его, передал одному из своих подчиненных и осторожно, как морковь из грядки, за руки вытянул бельтайн-ку из комнаты в коридор. Стукаясь шлемами, все склонили головы над находкой, которую Мэри тут же забрала у сопровождающего. Герметичный пластиковый короб, подключенный, судя по всему, к портативной системе искусственного жизнеобеспечения, содержал в себе человеческий мозг, покрытый, на взгляд Терехова, тончайшей металлической сеткой.

– Что это такое? – хрипло прошептал лейтенант, и Мэри ответила, неестественно звонко:

– Точно я вам не скажу, Дан, но если вы вскрыете мой череп, то увидите практически то же самое. Это тарисситовая имплантация. Правда, тариссит, судя по всему, искусственный, но сути дела это не меняет. Видите овал? Это интерфейс, через него такие, как я, подключаются к корабельному компьютеру. Кажется, я догадываюсь... И если моя догадка верна, то сам Дьявол, наверное, будет в большом затруднении, когда душа создателя этого кошмара попадет наконец в его руки. Давайте возвращаться, иначе еще немного, и я... – она не договорила, развернулась и, прижимая к груди контейнер, медленно поплыла в направлении того отверстия, через которое они проникли в коридор. Терехов отдал приказ своим людям и присоединился к ней. Когда они до-

брались до выхода, остававшиеся снаружи десантники уже собрались около проема в перекрытии. Сначала наверх передали тело беременной женщины, потом детские тела, потом выплыла Мэри, так и не выпустившая из рук свой жутковатый трофей. Ее немедленно окружили со всех сторон хмурые мужчины, и теперь ее прикрывал мощный живой щит, тут же, впрочем, раскрывшийся.

Один из тех, кто не участвовал в осмотре внутренней части разрушенной базы, подплыл к ней и со словами:

– Вот, госпожа майор... нашел в чем-то вроде холодильника... – протянул ей штатив с большими пробирками, надежно сидящими в снабженных уплотнителями гнездах. – Вам это интересно?

Безжалостный свет фонаря не оставлял никакого простора для воображения. Мэри могла только предполагать, что именно находится в пробирках, но вплетенные в лист клевера круги, один со стрелкой, другой с крестом – знак Генетической Службы Бельтайна – говорили сами за себя.

– Интересно? Да, пожалуй. Ин-те-рес-но... – то ли задумчиво, то ли злобно пробормотала она, разглядывая штатив. Потом, все еще не поднимая головы, она негромко спросила: – Процесс обнаружения заснят?

– Так точно, мэм. С нескольких точек.

– То есть никто не сможет обвинить нас в фальсификации? – въедливо уточнила она.

– Это исключено, мэм. Блоки видеофиксаторов наших

шлемов невозможно вскрыть, а запись не поддается редактированию. Суды Российской империи и Рах Мехисана принимают записи таких блоков в качестве вещественных доказательств.

Мэри, наконец, взглянула на держащего штатив десантника. На ее лице застыла настолько странная улыбка, что тот невольно сделал движение назад.

– Что ты хочешь за это, парень?

– Мэм? – он неуверенно покосился на держащегося поблизости Терехова.

– На Бельтайне нет орденов. У нас тут вообще слабовато с наградами. Я, конечно, переговорю с господином контр-адмиралом, но это будет поощрение от твоего командования. А что тебе могу дать я? Кортик хочешь? Наш, бельтайнский? Мой кортик, тот, что мне вместе с первыми погонами вручили?

– Я... мне ничего не нужно, госпожа майор! – не будь его руки заняты штативом, он уж точно замахал бы ими.

– Не нужно? Ну-ну... Ладно, я что-нибудь придумаю.

Путь к поверхности Мэри запомнила смутно. Он показался ей очень долгим, но все когда-нибудь заканчивается, закончился и подъем. С платформы сбросили легкие тросы, тела погибших осторожно подняли, вслед за ними на платформу перебрались пловцы. Она уселась, привалившись к борту, и устало вытянула ноги. Ей давно не доводилось плавать

подолгу, тело, такое невесомое и послушное в воде, на воздухе стало неповоротливым и тяжелым. Руки, стискивающие лежащий на коленях контейнер с опутанным тарисситовой паутиной мозгом, мелко, противно тряслись. Кто-то – Терехов? – снял с нее шлем, но она даже не подняла глаз, продолжая буравить взглядом свою добычу. Внезапно она ощутила укол в области поясницы и резко вскинула голову. Лейтенант, мрачно улыбаясь, закрывал небольшой планшет, пристегнутый к поясному ремню.

– Господин Терехов?

– Транквилизатор, госпожа Гамильтон. Извините, что без спроса, но иначе вы сейчас попросту взорветесь.

Мэри хотела было возмутиться бесцеремонностью своего временного подчиненного, но тут по ее телу покатались мягкие, теплые волны. Она помедлила, прислушиваясь к ощущениям. Рвущееся из груди, колотящееся в глотке сердце успокаивалось, сотрясавшая руки дрожь унималась, расслабились закаменевшие челюсти.

– Спасибо, Дан, – устало улыбнулась она. – Вы совершенно правы. Как вы это сделали? Командирский доступ к встроенной аптечке?

– Именно так. Еще раз извините.

– Все нормально. Если бы вы стали спрашивать разрешения, у меня, пожалуй, хватило бы глупой гордости отказаться или, во всяком случае, начать спорить. Самое забавное, что сама я это проделывала неоднократно, точно так же не

интересуясь мнением члена экипажа. Даже интересно оказаться по другую сторону забора, кто бы мог подумать...

Терехов с облегчением рассмеялся. Бельтайнка приходила в себя на удивление быстро, и он про себя восхитился уравновешенностью ее психики. Минимальное вмешательство – и вот вам, пожалуйста: только что пребывавшая на грани истерического припадка женщина уже вполне способна шутить.

Между тем платформа приблизилась к берегу и выползла на пляж, на котором нетерпеливо дожидался их возвращения Корсаков. Терехов уже известил его о находках, и Никита был хмур и сосредоточен. Руку, впрочем, он протянул Мэри вполне галантно, а она к тому времени уже достаточно пришла в себя для того, чтобы вспомнить о том, что, несмотря на весь ее боевой опыт и награды, для контр-адмирала Корсакова она прежде всего женщина.

Глава 3

В каждом деле есть таланты и бездари; те, чье мнение никого не интересует по причине незначительности оно, и те, с чьей точкой зрения считаются всегда. Станислав Сергеевич Тищенко имел все основания считать себя хорошим специалистом, потому что на сегодняшний день его признавали лучшим хирургом Экспедиционного флота Российской империи. Тищенко не брался судить, талантлив ли он, но ему определенно было чем гордиться и что вспомнить. Одно только столкновение в системе Веер чего стоило... Именно после той операции каперанг Корсаков стал контр-адмиралом, а полковник медицины Тищенко получил из рук его величества орден Святого Станислава. И когда Никита Корсаков принял командование над «Александровской» эскадрой (эскадры во флоте традиционно носили имя флагмана), Станислав Тищенко перешел на нее вместе с ним в качестве главного бортового врача крейсера «Святой благоверный князь Александр Невский». И, надо сказать, ни разу за два года не пожалел об этом. Хотя, если уж начистоту, служба выдалась спокойная. Вот разве что схватка у Зоны Сигма в системе Тариссы... И даже не сама схватка, а предшествовавшее ей принятие на борт бельтайнского экипажа...

В который раз Тищенко был вынужден признать справедливость утверждения, что тот, кто думает, будто знает мно-

го, на самом деле не знает ничего. Эта девочка-капитан... какой организм, ему не доводилось сталкиваться с такими, а уж, казалось бы, повидал он немало. И какое самопожертвование, какое мужество! И какую, черт побери, хорошую работу он проделал! Ведь на волоске все висело. На тоненьком волоске.

* * *

Спрыгнув с платформы, Мэри повела плечами, разминая затекшие мышцы спины и позвоночник. Выпустивший ее руку Никита продолжал вглядываться в лицо девушки – не иначе, Терехов доложил и о вынужденном применении транквилизатора.

– Ваш коммуникатор уже добрых полчаса подает сигнал вызова, мисс Гамильтон. Я не счел возможным отвечать, ведь вы, кажется, хотели сохранить в некотором секрете эту маленькую экспедицию. – вокруг было изрядное количество посторонних ушей, и Мэри мысленно одобрила решение Никиты соблюсти некоторый декорум.

– Благодарю вас, господин Корсаков, вы правильно сделали. Могу я отдохнуть в конце-то концов?! – она не без успеха постаралась придать себе капризный и надменный вид.

– Я тоже так подумал, – улыбнулся он, любуясь бельтайнкой. Она была сейчас безусловно хороша, и даже слегка запавшие глаза, обведенные темными кругами, не портили ее.

Боевая подруга во всей своей красе, такие ему до сих пор не встречались.

– Кроме того, вы бы и не смогли принять вызов, – добавила Мэри, – наши коммуникаторы снабжены системой идентификации, так что если ваш доступ не прописан... Впрочем, это пустяки. Вот погружение, которое вы мне обеспечили...

– Вы довольны результатами этой вылазки, мисс Гамильтон? – негромко поинтересовался Никита.

– Скорее да, чем нет. Наши трофеи приводят меня в ужас. Но теперь я хотя бы знаю, пусть и очень приблизительно, какого рода «сейсмические стабилизаторы» установила на Бельтайне несуществующая «Трансплэнет Эквипмент» и с таким усердием бомбил Саммерс. И дайте мне только добраться до той твари, которая заварила всю эту чертову кашу... – она повертела головой, взглянула на хронометр и снова начала оглядываться по сторонам.

– Вы что-то ищете? – спросил Корсаков.

– Ищу. Свою машину. Она уже должна была приземлиться здесь, но ее нет...

– Ах да. Я хотел сказать вам сразу, но засмотрелся на ваши находки... С «Александра» передали, что сигнал вашей машины пропал.

– Пропал?!

– Да. Возможно, сломался передатчик...

– Вздор, там совершенно нечему ломаться. – лицо Мэри внезапно стало настолько злым, что Никита, человек, в об-

щем-то, неробкого десятка, невольно вздрогнул. – Говорите, голосит коммуникатор?

– Голосит. Вот, опять... – он протянул ей ладонь с клипсой и браслетом, извлеченными из кармана просторной куртки.

Мэри вынула из уха клипсу русского флотского коммуникатора, вставила свою и зажала браслет в пальцах. Встроенный анализатор ДНК-граммы признал хозяйку, и секунду спустя она поморщилась от истошного вопля незнакомого голоса:

– Мэри! Мэри, ты жива?!

– Эээээ... Жива. А кто это?

– Морган!!!

– Что у вас с голосом, Дядюшка? Я вас даже не узнала...

– С голосом? Что у меня с голосом? *У меня?! Твою машину сбили, и ты еще спрашиваешь, что у меня с голосом?!* – интонация Моргана в коммуникаторе стала почти нормальной, гремучая смесь ярости и облегчения не в счет.

– Сбили? Тогда понятно, почему она не прилетела в назначенное время, – отошедший было на несколько шагов Никита встал рядом с ней. Мэри быстро прижала палец к губам и включила громкую связь. – А как стало известно, что ее сбили? И что это именно моя машина?

– Машина Келли внесена в реестр объектов сплошного поиска. Ее позывной автоматически отсылается всем наземным и воздушным патрулям в режиме «тревога при исчезно-

вении». Шон сказал, что ее взяла ты, поэтому, когда сигнал пропал, а в соответствующем квадрате обнаружили горящие обломки... – Морган уже успокаивался. Было слышно, как он бросил кому-то: «Да жива она, жива и здорова. Машина пустая была. И не говорите мне теперь, что интуиции не бывает!»

– Ясно. А сама она упасть не могла? – вокруг Мэри и Никиты сжалось плотное кольцо из полудюжины десантников. Чем были заняты остальные, она не могла видеть за широкими спинами, но характерный набор звуков яснее ясного говорил о занятии круговой обороны.

– Нет, девочка, не могла. В нее выстрелили кумулятивным зарядом. С поверхности, сомнений никаких. Тело не нашли, даже фрагментарно, вот я и пытался связаться с тобой, была у меня надежда, что мы все тебе настолько осточертели, что ты решила взять отпуск.

– Великолепно, – Мэри язвительно усмехнулась. Ей нестерпимо хотелось выругаться, но не при союзниках же? – Просто великолепно. Отпуск, да. Дядюшка, вы мне нужны. Причем не на Бельтайне, а на орбите. И срочно.

– Не могу, Мэри, – коротко бросил Морган.

– Можете, Дядюшка, еще и как можете, – отрезала она. – Вы просто пока еще не знаете, что я нашла во время своего... хм... отпуска. Но я не хочу – и просто не имею права, поверьте, сэр! – оставлять свою находку на планете. Поэтому сейчас я буду очень просить господина Корсакова, чтобы

он переправил меня вместе с результатами этой вылазки на «Александр». И вас. Как только вы сможете добраться туда, где вас подберут.

– Девочка, я действительно не могу, – вздохнул Морган. – Второй кумулятивный заряд, помощнее, прилетел в мой дом.

Мэри, у которой внезапно подкосились ноги, села на землю прямо там, где стояла. Пальцы Никиты сжали ее плечи, стриженный затылок Терехова напрягся.

– Лорена... – хрипло прошептала она и тут же почти закричала: – Генри, что с Лореной?!

– Лорена в порядке. Подвал у меня все-таки хорошо укреплен. Лестницу, правда, завалило, но спасатели уже работают. А перекрытия целы, так что она не пострадала. Зла, конечно, как черт...

– Ничего, – с облегчением выдохнула Мэри, бессильно откидываясь на, казалось, вросшие в землю ноги Корсакова, – пусть злится. Злится – значит, жива, покойники не злятся. Минуту, Генри. – она отключила звук и, вывернув голову, снизу вверх посмотрела на Никиту. – Господин контр-адмирал, мне не хотелось бы снова выступать в роли просительницы, но похоже, на своей собственной планете я вообще ничего не могу сделать без вашей помощи...

– Адмиральский катер стоит на том космодроме, где нас встречали. Я сейчас распорядюсь, чтобы полковника Моргана и мисс...

– Лорену Макдермотт.

– Мисс Лорену Макдермотт приняли на борт и доставили на «Александр». Не волнуйтесь, мисс Гамильтон, все будет в порядке. Прислать эскорт?

Мэри подняла руку, призывая его к молчанию, и снова включила внешнюю связь.

– Генри, вас с Лореной заберет адмиральский катер. Господин Корсаков интересуется, нуждается ли вы в сопровождении до космодрома? Учтите, эскорт должен быть, это не обсуждается, вопрос только в том, кто его обеспечит.

– Справимся, девочка, – проворчал Морган. – Передай мою благодарность господину контр– адмиралу. Я надеюсь, что в самое ближайшее время смогу пожать ему руку, а теперь...

– Занимайтесь своим делом, Дядюшка, а я займусь своим. До встречи на крейсере.

Мэри отключила связь, с полминуты посидела, глядя в пространство, и снова посмотрела на Никиту.

– И как вам это понравилось, господин Корсаков? – безупречным светским тоном осведомилась она.

– Более чем понравилось, мисс Гамильтон. Давайте-ка поторопимся, пока еще что-нибудь не стряслось.

Принявшие слова контр-адмирала как руководство к действию десантники, уже упаковавшие к началу разговора Мэри с полковником тела погибших в пластиковые мешки, при-

нялись собирать платформу. Однако занималась этим только половина из них. Остальные, уже облаченные в штатную броню и вооруженные до зубов, рассыпались по пляжу. Мэри, буркнув: «Мне надо переодеться», пулей влетела в катер. Штатив с пробирками она обнаружила на одном из кресел и пристроила контейнер рядом. Буквально несколько минут спустя она уже ругалась сквозь зубы, пытаясь сложить снаряжение таким образом, чтобы оно влезло в мешок, из которого было вынуто. Привлеченный, должно быть, ее краткими эмоциональными возгласами, в катер заглянул Корсаков, насмешливо покачал головой и махнул рукой Терехову. Со словами «Дайте я, госпожа майор!» Даниил отобрал у нее мешок, комбинезон, шлем и ласты, и секунд через тридцать все было собрано. Мэри переглянулась с Никитой и виновато пожала плечами. Он усмехнулся, покосился на лейтенанта и того как ветром сдуло.

– Ты в порядке? – заботливо спросил Корсаков.

– Да. Нет. Не знаю, – она обхватила локти руками и слегка поежилась. – Кажется, начинается реакция. Мне нужно показать наши трофеи доктору Тищенко, сейчас я не могу обратиться ни к одному медику на планете. Никита, если это, – она кивнула на контейнер, – то, что я думаю, Бельтайну не отмыться никогда. Десять лет, подумать только, десять лет... Семь комплексов... Черт возьми, я всегда гордилась своими способностями аналитика, но сейчас я отдала бы все что угодно, лишь бы ошибиться. Потому что если я права... Гос-

поди всеблагий... .

– Погоди, – коротко бросил Корсаков и выскочил из катера. Платформу затаскивали в грузовой отсек, охранение бдительно следило за подступами к пляжу. Терехов, покачиваясь с носков на пятки, наблюдал. Никита подошел к нему вплотную.

– Даниил, у вас или ваших людей есть что выпить? Что-нибудь крепкое?

– Майор Гамильтон? – понятливость лейтенанта Корсакова не удивила, непонятливые в десанте не служили.

– Транквилизатора, судя по всему, хватило ненадолго, ей явно необходимо...

– Секунду... Одинцов!

– Я! – подскочил тот самый сержант, который управлял эхолотом.

– Флягу давай.

– Эээээ... – парень замялся, смущенно покосился на командующего. – Господин лейтенант, у меня там не водка...

– Я знаю. Давай-давай, это даже хорошо, что не водка. Авось быстрее поможет. – Терехов выхватил флягу из рук сержанта и протянул ее Корсакову со словами: – Вы только проследите, чтобы она выдохнула перед глотком. Федор у нас парень простой, ничего, кроме новоросского самогона не признает.

Никита метнулся к катеру. Одинцов вытаращился на командира:

– Это для майора Гамильтон?! Да как же... Она ведь... дама...

– Она боевой офицер. Боевой офицер, на которого свалилось слишком много всего и сразу. А что дама... дамы разные бывают, Федя. Здешние пилоты не в теплицах растут и не в бальных залах служат. Ты ее при всех регалиях видел? Нет? А я видел. Ордена и звания за красивые глаза не дают. Да и на «Александр» она не на прогулочной яхте прилетела, если ты не в курсе. Что мы внизу нашли – это ж ни в сказке сказать, ни матом выругаться, ну, ты сам все видел. Уж на что я тут человек посторонний – и то мороз по коже. А представь, что ты такое на своем родном Новороссе отыскал, считай, у себя дома. Осознал? То-то же. И еще машину ее взорвали, для комплекта... Так что не переживай, Одинцов, ей сегодня твой самогон – что слону дробина. – жестом отпустив подчиненного, Терехов осмотрелся и скомандовал: – Все, мужики, заканчиваем здесь и пошли, пора возвращаться.

В это время вернувшийся в катер Никита подробно объяснял Мэри технику питания новоросского самогона. Заинтересованная и несколько настороженная бельтайнка послушно выдохнула и отхлебнула из фляги. Ей показалось, что по пищеводу пронесся сгусток жидкого пламени и взорвался в желудке. Сразу стало почти жарко, в голове мгновенно прояснилось, а потом приятно зашумело. Разом ослабли коле-

ни. Мэри огляделась и опустилась в кресло рядом с тем, в котором лежали контейнер и штатив с пробирками.

– Ну ничего себе... Что это такое? – она повертела флягу в руках, поднесла горлышко к носу и втянула воздух слегка раздувшимися ноздрями. Резкий запах спирта был почти заглушен ароматом незнакомых трав. Даже вдыхать его оказалось неожиданно приятно.

– Я же тебе сказал: самогон, – ухмыльнулся Никита.

– Да ладно, подумаешь, виски тоже самогон, но это... – Мэри уважительно покрутила головой. – Это можно использовать вместо анестезии при хирургическом вмешательстве.

Начавшие подниматься в катер десантники услышали данное ею определение и дружно расхохотались. Одинцов надулся от гордости:

– Я деду обязательно расскажу, госпожа майор, что нашлась женщина, которой его творение по вкусу пришлось. Только он не поверит, наверное, до сих пор таких не было. Уж на что у меня бабка крепкая, и то ругается!

– Передайте вашему деду, господин... – «Одинцов», подсказал, склонившись к ней, Корсаков. – Передайте вашему деду, господин Одинцов, что если он захочет поставлять это пойло на Бельтайн, я помогу вашей семье организовать здесь рынок сбыта. Достоянейшая вещь этот ваш самогон, им бы надо комплектовать корабельные аптечки, – она осторожно сделала еще один глоток и, удовлетворенно кивнув, протянула бы– ло флягу владельцу, но тот только головой покачал:

– Оставьте себе, госпожа майор, вам нужнее.

Терехов между тем вернулся из грузового отсека и теперь шел по проходу, проверяя, как пристегнуты пассажиры. Остановился возле кресла со штативом и контейнером, скептически поджал губы и извлек откуда-то сверху большую сумку с лямками. Вытряхнув ее содержимое прямо на пол (это оказались брикеты сухого пайка), он засунул в сумку сначала контейнер, потом штатив. Закрытую сумку он поставил на сиденье кресла, продернул ремни через лямки, застегнул их и подтянул до предела. Пробормотав что-то вроде: «Ну вот, совсем другой разговор», он отнес пайки в грузовой отсек, занял свое место и скомандовал пилоту взлетать.

Катер оторвался от земли настолько мягко, что Мэри не ощутила даже самого легкого толчка. Встроенные гравикомпенсаторы гасили перегрузку почти полностью, поэтому ее только слегка вжало в кресло. Вокруг весело переговаривались десантники, ровное гудение двигателей убаюкивало, и она почувствовала, как тяжелеют веки. Голова ее склонилась на грудь. Сидящий рядом Корсаков покосился на девушку и осторожно прихватил пальцами запястье упавшей с подлокотника руки.

– Спит? – одними губами спросил расположившийся по другую сторону прохода Терехов. Никита еле заметно улыбнулся и утвердительно качнул веками.

– Умаялась... – покивал лейтенант и, включив циркуляр-

ную связь, негромко скомандовал в коммуникатор: – А ну тихо все! Разбудите – поубиваю!

– Мисс Гамильтон! – кто-то осторожно тряс ее за плечо. – Мисс Гамильтон, просыпайтесь, мы прибыли.

Мэри с трудом открыла глаза и увидела склонившегося над ней Никиту. Рядом маячил Терехов, держащий в руках сумку, которую, судя по всему, только что отстегнул. Она медленно поднялась, слегка поморщившись от тянущей боли в ногах, спине и плечах, и требовательно протянула руку. Терехов вложил в ее ладонь лямки, она с улыбкой кивнула:

– Благодарю вас, Дан, мне было приятно работать с вами. – и пошла к выходу.

Несколько озадаченный, Терехов посмотрел ей вслед и повернулся к Никите:

– Майор Гамильтон не доверяет нам до такой степени, что не позволит даже нести ее багаж?

– Я думаю, лейтенант, она сейчас не доверяет никому. И ее можно понять. Хотя, конечно, я согласен с вами, такое недоверие обижает. Но тут уж ничего не поделаешь. Думаю, что на месте мисс Гамильтон любой человек стал бы немного параноиком.

Спустившись по трапу, Мэри обнаружила, что в трех шагах от него стоит доктор Тищенко, предупрежденный, должно быть, Никитой. Под его чутким руководством пластиковые мешки с телами грузили на автоматические носилки. Де-

сантники уже разошлись, возле катера суетились техники. Повернув голову на звук шагов, врач окинул Мэри внимательным, оценивающим взглядом и сердито нахмурился.

– Мисс Гамильтон, я рад вас видеть, но я был бы рад еще больше, если бы вы прибыли на «Александр» в сколько-нибудь пристойном состоянии. Вы отвратительно выглядите. Да-с. Когда, позвольте вас спросить, вы спали в последний раз?

– Только что, – пожала плечами Мэри, – вот господин Корсаков не даст соврать.

Сошедший на палубу Никита утвердительно кивнул, но Тищенко на этом не успокоился.

– А сколько вы не спали до этого? – безжалостно уточнил он. – Сутки? Двое?

– Ну... чуть больше двух суток, наверное, – пробормотала Мэри, внезапно почувствовавшая себя проштрафившимся кадетом. Высказать свое отношение к полученной информации Тищенко не успел, это сделал за него оторопевший Терехов.

– Вы... вы хотите сказать, что я разрешил погружение человеку, не спавшему больше двух суток?! Мать честная... – за голову командир десантников, конечно, не схватился, но был, судя по всему, вполне близок к этому. Мэри почувствовала себя виноватой и по усвоенной еще до Корпуса привычке немедленно перешла в наступление:

– Я прекрасно себя чувствовала, господин Терехов. И кро-

ме того, у меня было очень мало времени. У меня и теперь его очень мало, поэтому отложите все, что вы хотите мне сказать, до лучших времен. Хотя бы до завтра. Договорились?

Лейтенант смерил ее весьма красноречивым взглядом, обреченно махнул рукой, козырнул и отправился куда-то в глубь крейсера. Тищенко проверил крепление груза на носилках, коснулся кнопки на маленьком пульте, извлеченном из кармана, и носилки выкатились с причальной палубы в коридор.

– Это все, что вы привезли мне для исследования? – спросил он, делая шаг в сторону ожидающей машины.

– Нет. – Мэри двинулась следом, на ходу пристраивая лямки сумки на правое плечо. – В этой сумке еще кое-что, но открою я ее, с вашего позволения, только в лазарете. Все это следует осматривать в комплексе, тогда, возможно, сложившаяся картина будет цельной.

– Как вам будет угодно. Никита Борисович, вы присоединитесь к нам?

– Возможно, чуть позже, – покачал головой Никита. – Мне тоже интересно более подробно ознакомиться с находками и выслушать ваш комментарий, но сейчас мне нужно разобраться с некоторыми текущими моментами.

На самом деле, никаких проблем, требующих непосредственного участия командующего, на эскадре в данный момент не было. И Корсакову действительно очень хотелось отправиться в лазарет прямо сейчас. Но он не без оснований

полагал, что у Мэри есть вопросы, которые ей будет проще обсудить с Тищенко с глазу на глаз. Полный отчет о находках он получит в любом случае, а присутствовать при разговоре женщины с лечащим врачом может только муж, да и то не всегда.

В этой части лазарета Мэри еще не была. Собственно, до сих пор ей довелось побывать только в реанимационном боксе и в крохотной двухместной палате, в которой она окончательно приходила в себя после критической кровопотери, которая, собственно, и отправила ее в реанимацию. Сейчас она с любопытством осматривала просторное, ярко освещенное помещение, все стены которого были уставлены и увешаны самой разнообразной аппаратурой. Посередине стоял операционный стол, белый настолько, что было больно глазам. Рядом с ним застыли двое носилок, и непроницаемо-черные мешки на них оскорбляли зрение, как грязное пятно на чисто вымытом полу.

– Как я понимаю, там, – Тищенко кивнул на носилки, – трупы?

– Да, доктор. А здесь, – Мэри приподняла сумку за лямки и слегка встряхнула, – насколько я могу судить, то, из-за чего они стали трупами. Не угодно ли взглянуть?

– Прошу, – врач повел рукой в сторону стола, и она, открыв сумку, достала и поставила на сверкающую поверхность штатив с пробирками.

– Это принадлежит Генетической Службе Бельтайна – видите клеймо? Я не знаю, что находится внутри, но могу предположить, что это генетический материал Линий – Служба не работает с нелинейными. Во всяком случае, не работала на моей памяти. Что же касается вот этого... – контейнер с мозгом занял место рядом со штативом, – то я надеюсь, ВЫ объясните мне, что это такое. У меня есть определенные предположения, но пока они не подкреплены квалифицированным медицинским заключением, у меня нет возможности предъявить обвинение тому, кого я считаю шеф-поваром адской кухни, найденной нами на дне Маклира. Господин Тищенко, мне не к кому больше обратиться. Ни одному врачу на Бельтайне я не могу доверять, за исключением разве что деревенских костоправов, но они вряд ли смогут разобраться в предмете.

Русский врач издал какой-то странный полузадушенный звук, и Мэри подняла взгляд от своих трофеев. Тищенко был бледен, бледен до синевы, до того, что даже седые усы казались темными на фоне побелевшей кожи.

– Сэр?

– Извините, мисс Гамильтон. До меня доходили некоторые слухи, но своими глазами я такое вижу впервые. Мисс Мэри, госпожа майор, я прошу вас, я умоляю – дайте мне сорок восемь часов, – он явно пытался взять себя в руки, чтобы не захлебнуться рвущимися наружу словами. – Дайте мне сорок восемь часов, и я приложу все усилия для того, чтобы

у вас на руках оказалось самое полное, самое исчерпывающее медицинское заключение по данному вопросу. Обещаю вам, что я никак не поврежу этот... гм... препарат. Я буду очень, очень осторожен с вашим вещественным доказательством, даю вам слово...

– Пятьдесят шесть.

– Что, простите?

– Я могу дать вам пятьдесят шесть часов, это двое бельтайнских суток. Больше – вряд ли, но на это время можете смело рассчитывать. Как-нибудь отговорюсь. В первый раз, что ли? – Мэри слегка пожала плечами.

– Благодарю вас. Я ваш должник и не забуду этой услуги. Да что я такое говорю, при чем тут я – этого не забудет Империя! – взволнованный врач прижал руки к груди.

– Господин Тищенко, – иронически усмехнулась Мэри, – я надеюсь, вы не сочтете меня самоуверенной нахалкой, но я все же предпочитаю человеческую благодарность государственной. Государство, как правило, тяготится ролью должника и по этой причине бывает не слишком благосклонно к кредитору. То же, собственно, относится и к людям, но в несколько меньшей степени.

Успевший прийти в себя медик понимающе и чуть-чуть высокомерно улыбнулся:

– Как вам будет угодно, мисс Мэри. Я все-таки надеюсь, более того, я совершенно уверен, что у вас будет возможность переменить ваше мнение. Однако это дело будущего, а

нам следует вернуться к более насущным проблемам. Итак, вы подремали в катере, пока летели с поверхности на орбиту. Перед этим не спали более двух суток. Чем вы занимались? Это не праздное любопытство, – поднял он ладонь, увидев, как лицо Мэри становится упрямым и неуступчивым. – Вы определенно не в порядке и я должен знать, какие меры следует предпринять.

– Ну, я... Когда я спустилась на Бельтайн, я узнала, что в результате бомбардировки погиб мой друг. Лучший друг. Ближе Келли О'Брайена у меня не было никого, – голос изменил Мэри, она судорожно сглотнула. Тищенко тактично сделал вид, что ничего не заметил. – Позавчера были похороны. После них мы с Лореной – это подруга полковника Моргана, командующего планетарной полицией, и очень сильный аналитик – засели за разборку сложившейся ситуации и занимались этим примерно полтора суток. Потом я доставала все это, – она кивнула на стол и носилки, – с океанского дна. Собственно, вот и все. Кстати, о Лорене Макдермотт. Она скоро будет здесь, и я прошу вас оказать ей всю необходимую помощь. Дом полковника Моргана, в подвале которого мы работали, взлетел сегодня на воздух, как и моя машина. Явным образом Лорена не пострадала, подвал там крепкий, но все может быть, не мне бы говорить, не вам бы слушать.

– Разумеется, мисс Мэри, я лично осмотрю госпожу Макдермотт. Когда вы ожидаете ее прибытия?

– Не знаю. – кураж на глазах оставлял бельтайнку, она на-

чала сутулиться, губы уже почти не отличались по цвету от бледного лица. – Вероятно, господин Корсаков в курсе – ее и полковника Моргана должен забрать с планеты адмиральский катер. Как только они будут здесь, мне необходимо будет пообщаться с полковником и...

– Я все понял, – кивнул Тищенко. – Подождите, мне надо переговорить с Никитой Борисовичем.

Он отошел на несколько шагов и быстро заговорил по-русски. Выслушав ответ, он повернулся к Мэри и успокаивающе улыбнулся:

– Катер только что стартовал, ваши друзья будут на борту через два часа с четвертью. Вам следует поспать.

Мэри устало покачала головой:

– Боюсь, я не засну – нервы... Сказал бы мне кто еще неделю назад, что я употреблю это слово в собственный адрес... м-да. А если даже и засну, то вы меня не разбудите, а мне надо работать, понимаете, надо.

– Понимаю, – оценивающий взгляд врача стал неприятно острым. – Мне это не нравится, но вы взрослый человек и сами в состоянии решать, что и когда вам следует делать. А почему вы думаете, что не проснетесь вовремя, если вам все же удастся заснуть?

– лейтенант Терехов еще на планете вкатил мне дозу транквилизатора из встроенной аптечки костюма для подводного погружения. А потом я выпила некоторое количество самогона с планеты Новоросс... я правильно произнес-

ла название?

– Правильно, – вздохнул Тищенко. – Где вы только его взяли... И чем думал тот, кто вам его дал... точно не головой. Хорошо, мне все ясно. Сейчас мы с вами пройдем в палату, – он мягко, но решительно подтолкнул Мэри к выходу из помещения. – Там я вам введу снотворное с определенным сроком действия. Два часа – так два часа. Я предпочел бы усыпить вас на двадцать, но... В общем, вы проспите два часа, спокойно и без сновидений, а потом, можете не сомневаться, я вас разбужу и вы будете чувствовать себя гораздо лучше, чем сейчас. И похмелья у вас совершенно точно не будет. Новоросский самогон, боже мой...

За разговором они дошли до палаты. Мэри сняла рубашку, ботинки и бандану и растянулась на койке, а Тищенко извлек из прихваченной где-то по пути аптечки ампулу и прижал к ее шее. Несколько секунд спустя он удовлетворенно полюбовался на расслабившееся во сне и ставшее от этого совсем юным лицо, заботливо подоткнул одеяло, вздохнул и почти бегом вернулся туда, где дожидался своего часа помещенный в питательный раствор человеческий мозг.

Примерно час спустя доктор Тищенко закончил первичные тесты и уяснил для себя два момента. Первый: он понимает, с чем ему довелось столкнуться. Второй: его квалификации и имеющегося на борту оборудования явно недостаточно для полномасштабного исследования. И будь у него

даже сто двенадцать часов вместо пятидесяти шести (а теперь уже пятидесяти пяти), делу это не поможет. Он задумчиво пожевал губами, молниеносно скомпоновал файл короткого доклада и, подойдя к стационарному коммуникатору, вызвал старшего помощника. Петр Иванович Савельев, помимо прочих функций представлявший на борту «Святого благоверного князя Александра Невского» Службу безопасности Российской империи, отозвался сразу же. Порой Тищенко ловил себя на том, что всерьез сомневается, спит ли вообще старпом: в любое время дня и ночи тот был собран, деловит и готов к работе.

– Слушаю вас, Станислав Сергеевич.

– Петр Иванович, вы, разумеется, уже в курсе того, какой груз доставила с планеты мисс Гамильтон?

– В самых общих чертах. Вы намерены дать мне более полную информацию?

– Пока я к этому не готов, Петр Иванович. И, вероятно, никогда не буду готов, если вы не свяжете меня с медиками Службы безопасности.

– Вот даже как? – Савельев не скрывал своего удивления: Станислав Сергеевич Тищенко был врачом, как говорится, от Бога, и за все время их совместной службы впервые не смог справиться с проблемой самостоятельно. – Хорошо, доктор, оставайтесь на связи.

Несколько минут спустя на экране коммуникатора возник незнакомый Тищенко мужчина средних лет.

– Майор медицины Лобанов, Владимир Павлович. Чем я могу быть вам полезен, господин полковник?

– Владимир Павлович, в настоящее время я нахожусь на борту крейсера Экспедиционного флота «Святой благоверный князь Александр Невский», дислоцированного на орбите планеты Бельтайн системы Тариссы, – начал Тищенко стандартный доклад. – В моих руках находится – и будет находиться еще на протяжении пятидесяти пяти стандартных часов – имплантированный тарисситом живой человеческий мозг, помещенный в питательный раствор и подключенный к системе искусственного жизнеобеспечения. Информационный пакет с изображением упомянутого объекта и изложением обстоятельств находки я передаю вам в данный момент. Произвести полное обследование собственными силами я не в состоянии и потому вынужден обратиться за помощью к Службе безопасности.

Как только Тищенко упомянул тарисситовую имплантацию, лицо его собеседника окаменело, с него ушло всякое выражение, только глаза оставались живыми, в них читалась бешеная работа мысли. После примерно минуты тишины Лобанов, по диагонали просмотревший присланную информацию, резко кивнул:

– Господин полковник, я прошу вас обождать на связи. Я не уполномочен решать такие вопросы. – И экран погас. Тищенко, у которого нестерпимо чесались руки скорее вернуться к работе, выругался про себя, подтащил к коммуни-

катору лабораторное кресло и стал ждать.

Между тем его сообщение, соответствующим образом оформленное и снабженное грифом «Весьма срочно», было принято куратором сектора, к которому принадлежала система Тариссы. Генерал-лейтенанту Михаилу Авдееву для принятия решения хватило одного взгляда. Российской империи доводилось уже сталкиваться с биологическими компьютерами, подобными тому, которым располагал в данный момент доктор Тищенко. Но, несмотря на все затраченные усилия, до сих пор добраться до производителя не удалось. Добраться между тем было совершенно необходимо. Взрыв, прогремевший несколько лет назад на одной из планет, входящих в сферу интересов Российской империи, заставил Службу безопасности заинтересоваться источником запрещенных к распространению трансуранидов. Полностью автоматизированный рудник в поясе астероидов во всем остальном ничем не примечательной звезды был обнаружен довольно быстро. Однако подступы к нему охранялись боевыми кораблями, каждый из которых управлялся живым человеческим мозгом, имплантированным искусственным тарисситом. Такой же мозг управлял рудником и обогатительной фабрикой. Разведка лезла из кожи вон, но отследить источник поставки биокомпьютеров не удалось. А тем временем агенты слали донесения об использовании объектов «Доуэль» не только преступными синдикатами и террористическими группировками, но и вполне законопо-

слушными и благонамеренными корпорациями Свободных Планет. Это было выгодно, очень выгодно, и честные бизнесмены только пожимали плечами в ответ на расспросы. Да, предложили приобрести. Да, дорого, но окупается быстро. Какая разница, откуда? Не морочьте голову, дело есть дело, закон спроса и предложения в действии...

И самое интересное состояло в том, что, пытаясь отследить происхождение и путь искусственного тариссита, используемого при имплантациях, имперская Служба безопасности после самой минимальной проверки сбросила со счетов единственный на всю галактику источник тариссита натурального – планету Бельтайн в системе звезды Тарисса. Учет добычи, реализации и средств, поступающих от продажи, вели сестры монастыря Святой Екатерины Тариссийской, остающийся на планете минимум в основном использовался для проведения имплантаций будущим кадетам Звездного и Десантного корпусов. Налаженная система позволяла четко отследить каждый миллиграмм драгоценного металла вплоть до тех крох, которые уходили на декоративные или функциональные татуировки монахинь, полицейских и служащих бельтайнских ВКС. Все было точно, как в аптеке, и законно, как воскресная школа.

Авдеев начал формировать пакет спецдонесения. Это был исключительно надежный и самый простой способ связи с его светлостью князем Ираклием Давидовичем Цинцадзе, главой Службы безопасности Российской империи. Посто-

ронному взгляду набор слов, вставленный Авдеевым в стандартную форму, показался бы бессвязным бредом.

Сфера: Доуэль

Территория: Бельтайн, Тарисса

Местоположение: крейсер Экспедиционного флота
«Святой благоверный князь Александр Невский»

Контакт: полковник медицины док– тор наук
Тищенко Стани– слав Сергеевич, главный бортовой
врач

Способ связи: волна коммуникатора

Статус: ожидает вызова

Экран коммуникатора засветился, и Тищенко, готовый уже от скуки полезть на стену, вскочил на ноги как ошпаренный. Пристально глядящего на него осанистого мужчину изрядно за сто он узнал моментально. Представлены они друг другу не были, но Ираклий Давидович Цинцадзе присутствовал при награждении Тищенко орденом Святого Станислава, и не запомнить этого человека было решительно невозможно.

– Ваша светлость!

– Присаживайтесь, Станислав Сергеевич. Я вас слушаю.

Тищенко хватило нескольких минут, чтобы объяснить Цинцадзе, что и каким образом оказалось в его распоряжении.

– У меня около пятидесяти четырех стандартных часов для того, чтобы провести исследование доставленных образ-

цов, ваша светлость. Это немалый срок, но крейсер – не исследовательская лаборатория, а сам я всего лишь простой военврач, и моей квалификации недостаточно для того, чтобы выполнить обещание, данное майору Гамильтон, – завершил он.

Цинцадзе чуть насмешливо приподнял бровь, в голосе прорезался едва заметный акцент уроженца Авлабара:

– Ох, Станислав Сергеевич! Не прибеднялись бы вы... «всего лишь простой военврач»... Впрочем, не буду спорить, ваша квалификация известна вам лучше, чем мне. Как я понимаю, вам нужны люди и оборудование. Какие люди? – эта манера князя молниеносно переходить от светской болтовни к деловым вопросам давно стала притчей во языцах, не позволяя собеседникам расслабиться.

– Нейрофизиолог, генетик и биохимик. Если бы сюда мог прибыть профессор Эренбург...

– Вы имеете в виду Николая Эриковича? – Тищенко кивнул. – Хорошо, значит, профессор Эренбург. По кандидатурам генетика и биохимика есть конкретные пожелания? Нет? Одну минуту, полковник.

Цинцадзе отвернулся от коммуникатора, негромко отдал распоряжение кому-то невидимому и действительно всего минуту спустя вернулся к прерванному разговору.

– Через два, максимум три часа специалисты и оборудование будут погружены на мой личный корабль и стартуют с Кремля. Думаю, «Александрю» имеет смысл встретить их

у зоны перехода, чтобы у вас было больше времени для совместной работы. Я свяжусь с Никитой Борисовичем. Обещания, данные союзникам, следует выполнять, тем более, – он покосился на что-то, невидимое для Тищенко, – что майор Гамильтон не впервые оказывает Империи поистине бесценную услугу. Могу я поговорить с этой достойной женщиной?

– Майор Гамильтон в настоящее время спит, ваша светлость, и я, как врач, не хотел бы ее беспокоить, – вежливо, но твердо ответил Тищенко. – У нее выдалась исключительно насыщенная неделя. Сначала – космический бой, смерть от кровопотери и возвращение в мир живых. Потом известие о гибели лучшего друга, его похороны и полтора суток аналитической работы, завершившиеся погружением на океанское дно и обнаружением исследуемых мною образцов. А на сладкое неизвестные злоумышленники взорвали ее машину и дом, в котором она вместе со своей напарницей корпела над аналитическими выкладками. Для нее сейчас каждая минута сна на вес золота или того же пресловутого тариссита. А через, – он коротко взглянул на хронометр, – полчаса я должен буду ее разбудить, потому что на «Александр» прибудет командующий планетарной полицией Бельтайна и они продолжат работу на основании полученных ею данных. И мисс Гамильтон опять будет пахать как проклятая и отговариваться тем, что на отдых у нее времени нет. Пощадите.

Терпеливо выслушавший эту эмоциональную тираду Цинцадзе примирительно поднял ладони:

– Господь с вами, Станислав Сергеевич. Я ни в коем случае не настаиваю, пусть спит, пока может. Почему-то всегда получается так, что тех, кто умеет работать, невозможно заставить отдохнуть, а тех, кто умеет отдыхать, не заставишь работать... Надеюсь, у меня еще будет возможность познакомиться с майором Гамильтон, а пока не буду вам мешать. Желаю здравствовать. – и князь отключил связь. Впрочем, несколько секунд спустя он уже разговаривал с Корсаковым.

– Никита Борисович, я направляю в систему Тариссы оборудование и специалистов, необходимых доктору Тищенко для проведения полноценного исследования добытых майором Гамильтон образцов. Извольте подготовить помещения и обеспечить все необходимые условия для того, чтобы все шло без сучка без задоринки. После того, как корабль стартует, с вами свяжутся и сообщат, у какой зоны перехода его следует встретить. Я не сомневаюсь в том, что они и сами прекрасно доберутся, но несколько дополнительных часов работы с этими находками уж никак не помешают. Пока же я настоятельно рекомендую вам оказывать все потребное содействие нашим бельтайнским союзникам.

– Так точно! – вытянулся Никита.

– Да, и вот еще что... – спохватился собравшийся было попрощаться Цинцадзе. – Не сочтите за труд помочь доктору Тищенко в общении с майором Гамильтон. Если я правильно его понял, она очень непростая пациентка, а Империя заинтересована в том, чтобы такой человек не загнал себя в

гроб работой, которая выше его сил.

Доктор Тищенко встретил Моргана и Лорену у трапа адмиральского катера. С первого же взгляда ему стало ясно, что женщина вымотана и напугана, хотя и тщательно это скрывает под маской веселой злости. В который раз подивившись выдержке бельтайнок, он, не слушая возражений, решительно усадил ее в машину, клятвенно пообещал полицейскому полковнику, что с его подругой все будет в порядке, и торжественно отбыл в свои медицинские владения. Самого Моргана встречал Савельев, ухитрившийся практически слиться с переборкой во время отправки мисс Макдермотт в лазарет. Теперь же он как ни в чем не бывало пожал Генри руку, еще раз представился, напомнив о знакомстве, состоявшемся несколько дней назад на поле запасного космодрома Бельтайна, и предложил проводить до помещения, которое господин контр-адмирал определил для работы майору Гамильтон.

– Как она? – тут же спросил Морган, усаживаясь на пассажирское место.

– Мисс Гамильтон? Неплохо, я думаю. По правде говоря, в этот визит я ее еще не видел. Наши brave парни – вы знаете, что господин Корсаков выделил ей в качестве сопровождения при подводном погружении десантное подразделение? – не придумали ничего лучше, как накачать ее транквилизаторами пополам с самогоном. Так доктор Тищенко пришел

в ярость и вкатил ей снотворное, пообещав разбудить к вашему прилету.

– Транквилизаторы? – Морган повернулся к собеседнику так резко, что легкая машина слегка вильнула. – Мэри пондобились транквилизаторы? Черт знает, что такое... Нет, ну я еще понимаю – самогон, она, в конце концов, бельтайнка. Но транки?!.. Это на нее не похоже... У нее всегда была на редкость устойчивая психика, хотя неудачи она и переживала излишне эмоционально. Вы говорите – погружение? Какое еще погружение? Она что же, ныряла в океан? Интересно... Что она там такое нарыла, вы не в курсе?

– Частично в курсе, господин полковник...

– Генри, – проворчал Морган.

– Договорились, в таком случае я – Петр. Генри, частично я в курсе, но пусть она сама вам все расскажет. Сдается мне, у нее уже готова интерпретация находок и обстоятельств, а я пока мало что понимаю. Приехали.

Глава 4

В первый раз Петру Савельеву повезло еще в самом начале жизни. Неизвестная мамаша, строго говоря, могла и в канаву выкинуть ненужного ей младенца, которого родила непонятно где и непонятно от кого. Но ему повезло – его подбросили на крыльцо приюта. Конечно, жизнь приют-ского мальчишки нельзя назвать сплошным праздником, но это жизнь. Жизнь, дарованная Господом, как частенько повторял похожий на сверчка священник, наставительно поднимая палец, подрагивающий то ли от старости, то ли от страстия к наливкам.

А потом ему повезло во второй раз. Приехавший с проверкой инспектор, беседуя с воспитанниками, обратил внимание на его редкую наблюдательность и умение логически рассуждать. Потом инспектор уехал, но всего через неделю – «подлизу» и побить-то успели всего два раза! – паренька забрали из приюта. Молчаливый капитан, под чьим приглядом в числе десятка таких же мальчишек оказался и Петя Савельев, занялся им всерьез. Закрытая школа... училище... Служба безопасности... Если бы Петру Ивановичу Савельеву в детстве сказали, что однажды он войдет в Малый его императорского высочества Совет... И будет готовить представление на контр-адмирала Корсакова, как возможного кандидата в этот Совет... Услышав такое, он посоветовал

бы выдавшему очевидную глупость собеседнику прочистить мозги. А ведь случилось же...

* * *

Мэри несколько боком сидела на столе, подтянув одно колено к груди и непринужденно болтая другой ногой в воздухе. Перед ней мерцал виртуальный дисплей, но выведенная на него информация оставалась невидимой для любого, вошедшего в комнату. Чем ее не устроило любое из полдюжины стоящих вокруг стола кресел, Савельев не понял, но спрашивать поостерегся: уж больно хмурым было лицо в обрамлении коротенького белесого ежика. Старпому вдруг пришла в голову мысль, что девица-то, похоже, не блондинка, как ему показалось вначале, а просто седая. Совсем. Как лунь. Точно, блонд не отликает серебром, это седина. А ей и тридцати пяти еще нет, при средней продолжительности жизни в полтораста лет – даже не зрелость. Морган, сам того не зная, тут же подтвердил догадку Савельева:

– Здравствуй, Мэри. А когда это ты успела поседеть?!

– Не знаю, Дядюшка, – слегка пожала плечами она, даже не подумав ответить на приветствие. Впрочем, к ее привычке в разговоре с близкими людьми не тратить время на условности Генри привык уже давно. – До сих пор у меня волосы не отрастали настолько, чтобы иметь возможность оценить их цвет. Знаете, даже если это случилось только что, я не ви-

жу ничего удивительного. И вы не увидите, даю вам слово. Впрочем, вы и так уже седы. Разве что польсееете.

– Ну спасибо тебе, дорогая, утешила, – ехидно проворчал Морган, ероша ладонью густую жесткую шевелюру цвета покрытой изморозью стали и косясь на Савельева, наслаждавшегося этой сценкой.

– Здравствуйте, Петр. Извините, я, кажется, невежлива сегодня. Тяжелый день. – Мэри свернула дисплей и спрыгнула со стола, протягивая старпому ладонь для рукопожатия. Савельев, пожалуй, предпочел бы поцеловать ручку, но сам способ подачи – ребром – не оставил ему выбора.

– Не извиняйтесь, Мэри, – добродушно проворчал старший помощник. – Я имею некоторое представление о событиях, которыми вы наполнили последние сутки. И полагаю, что «тяжелый» – слишком мягкое определение для вашего дня. А ведь он все еще продолжается, не так ли?

– Именно так. Прошу прощения, но нам с полковником необходимо...

– Уже ушел, – с понимающей улыбкой кивнул Савельев. – Если я вам понадобится – нажмите вторую кнопку на клавиатуре стационарного коммуникатора. Первая – это Никита Борисович, третья – доктор Тищенко, четвертая – вахтенный. Если вам что-то потребуется...

– Понятно. А доктора-то вы сюда зачем приплели? – поморщилась Мэри.

– А это не для вас информация, а для Генри. Если вы бу-

дете плохо себя вести, к примеру, работать без отдыха, он вызовет Тищенко прямо в это помещение. Вам ясно? – Савельев неожиданно подмигнул и выскочил из комнаты прежде, чем она успела высказаться по поводу столь вопиющего нахальства.

– И этот туда же, – буркнула Мэри, раздраженно глядя на дверь. – Знали бы вы, Дядюшка, как они меня достали своей заботой! Еще немного, и я всерьез поверю в то, что я нечто маленькое, слабенькое, беспомощное и на ногах не стоящее. Ну ладно Корсаков, а остальные-то почему?

Морган уселся в кресло, оказавшееся неожиданно удобным. Отвечать на явно риторический вопрос он не видел необходимости. Зачем объяснять девочке, что, с точки зрения русских военных, майор Гамильтон – при всех ее наградах, выслуге и огромном боевом опыте – в первую очередь женщина, и только потом офицер? Она и сама это прекрасно понимает. Да и, наверное, на самом-то деле не имеет ничего против такого положения вещей. Должно быть, у нее что-то не получается, вот она и злится. Или, что наиболее вероятно, информация, которой она располагает в настоящий момент, такова, что ее трясет при одной мысли. А русские с их галантностью и стремлением защитить просто попали под горячую руку.

– Ты в норме? – осторожно поинтересовался Генри примерно минуту спустя. Мэри снова уселась на стол, закурила,

подтолкнула коробку сигар по столешнице поближе к своему собеседнику и тяжело вздохнула.

– Не уверена. Скорее нет, чем да. – она с силой надавила указательным пальцем на переносицу, помассировала, вздохнула. – В общем, так, Дядюшка. Одно из двух: либо мне нужен код доступа к закрытой полицейской статистике, либо вы напряжете память. Я и сама пробуюсь, – правильно истолковала она появившееся на лице Моргана саркастическое выражение, – но у нас не так уж много времени, сэр.

– Что тебя интересует, девочка? Я на память пока не жауюсь, может, и напрягать не придется.

– Все может быть, – покивала Мэри. Поймала взгляд полковника, прищурилась: – Итак. Около девяти с половиной лет назад должны были резко участиться случаи исчезновения совсем маленьких детей. Конкретно – четырех-пятилеток. Вряд ли меньше, ну, скажем, от трех лет. Тогда же стали пропадать молодые женщины. Все это достаточно тривиально, на то и «Сапсаны», чтобы их с планеты не вывозили, но мне кажется, что женщины и дети пропадали, а всплеск вывоза не был зафиксирован. И более того, в ту пору всякая шушера вообще несколько попритихла, так, нет?

– Так, – тяжело, холодно уронил Морган. – Дальше.

– Дальше – я думаю – года четыре или чуть больше назад детей перестали похищать. А вот женщины продолжают исчезать и сейчас.

Морган встал с места, прошелся по комнате и вдруг силь-

но, как клещами, сжал ее плечо, разворачивая девушку лицом к себе и стаскивая ее со стола.

– Коды тебе? – прошипел он. – Совсем обнаглела, влезла, а теперь выпендриваешься? Да я тебя...

Что именно намеревался пообещать бывшей подчиненной командующий планетарной полицией, так и осталось тайной. Потому что неожиданно для него пол исчез из-под ног, а секунду спустя обнаружился снова, только не под ногами, а под носом, которым полковник утыкался в жесткое покрытие. В поясницу упиралось колено, правая рука, вывернутая за спину и задранная вверх, каждым суставом и каждой связкой молила о пощаде. Единственное, на что он был способен в такой ситуации, это стукнуть по полу ладонью свободной руки – так чертова кукла еще и не сразу его отпустила! Неуклюжим слабаком себя Морган вполне обоснованно не считал. Тем обиднее была легкость, с которой его скрутила девчонка, лично им приведенная в полицию чуть ли не двадцать лет назад.

– Успокоился? – мрачно поинтересовалась Мэри, отбросив всякую субординацию и переходя на «ты». – Генри, ты бы поосторожнее со своим праведным гневом, я ведь от неожиданности и убить могу. Не лазала я никуда. И кодов я не знаю. Слово офицера. Что, неужели вот так, в точку, попала?

Морган поднялся на ноги, покрутил головой, разминая шею, рухнул обратно в кресло и насупил, массируя постра-

давший плечевой сустав. Вот ведь засранка – с сигары, неизвестно в какой момент пристроенной в массивную пепельницу, даже пепел не упал!

– Как будто аналитическую сводку читала. Черт возьми, Мэри, или ты мне немедленно объяснишь, как ты до этого дошла, или...

– Или что? – ядовито усмехнулась Мэри. Серебристо поблескивающий ежик встопорчился, глаза сузились, ноздри зло раздувались. Она уселась в кресло, откинулась на спинку, забросила ноги в ботинках на стол и выпустила струю сигарного дыма в потолок. – Хорошо, сейчас я все по полочкам разложу. Но предупреждаю сразу, Генри: это такая гадость, что мне уже сейчас стыдно, что я бельтайнка. А уж когда док Тищенко сработает полный отчет... ты бы выпил, что ли. И мне налей. Плохо дело, Генри. Совсем, мать его, плохо. Ладно, давай по порядку. – она несколько секунд помолчала, собираясь с мыслями. Приняла из рук Моргана бокал с коньяком, бутылка которого была кем-то предусмотрительно выставлена на маленький столик у стены. Пригубила, покатала на языке. Проглотила. Морган мельком отметил, что детская привычка кусать губы в минуты задумчивости никуда не делась, и теперь они пламенели на бледном лице с едва заметными веснушками на чуть курносом носу. Сигара выписывала в воздухе замысловатые узоры, кулак свободной руки ритмично сжимался и разжимался. – Еще когда мы к Бельтайну подходили, после боя в Зоне Тэта, я обратила

внимание на то, как аккуратно отбомбился Саммерс. Если бы не о моей родине речь шла – впору аплодировать. Так вот, всю планету я тогда с орбиты не видела. Но две точки в океане, подверг-шиеся бомбардировке, засекла. В океане, Генри, заметь себе это. На случайные промахи это похоже не было, туда явно не по одной бомбе легло. И потом – общая, повторяю, аккуратность бомбардиров. Короче говоря, уже тогда мне стало очень интересно, что же у нас там такое, что Саммерсу в обязательном порядке надо было разнести это вдребезги. Как ты понимаешь, какое-то время мне было не до того, да и по большому счету я была отрезана от планетарных баз данных. Но как только у меня появилось хоть какое-то время, я, как ты помнишь, затребовала у тебя карту бомбардировки. Короче говоря, точек в океане оказалось не две, а семь. И координаты их один в один совпали с местоположением сейсмических стабилизаторов. Ты понимаешь, о каких областях я говорю?

Морган мрачно кивнул. Мэри спустила ноги со стола, поднялась и начала обходить комнату по периметру, время от времени с размаху ударяя ладонью по светло-серой стене. Полковник, оказавшийся внутри круга, вертел головой, стараясь не выпустить ее из поля зрения. Она слегка покачивала корпусом при ходьбе, как будто повиновалась одной ей слышному ритму. Впрочем, так оно, наверное, и было: однажды разоткровенничавшаяся Лорена рассказала ему о том, что танец входит в обязательную программу подготовки пи-

лотов. И в зависимости от того, что именно требуется в конкретной ситуации – успокоиться, сосредоточиться или, наоборот, взвинтиться, – тренированный пилот может сделать это несколькими движениями.

– Знаешь, Генри, я очень удивилась. Колоссально. Зачем бомбить совершенно безобидные установки, автоматические к тому же? Саммерс кто угодно, но только не идиот и не транжира. А потрачено на эти участки было немало, уж какое-ни– какое представление о стоимости боеприпасов я, спасибо старому Доггерти, имею. Вся эта затея с бомбежкой океанского дна имела смысл в одном-единственном случае: если там, внизу, не сейсмо-стабилизаторы, а какое-то другое оборудование. Я попыталась выяснить, какое, и потерпела полное фиаско. Фирма «Трансплэнет Эквипмент» не существует, так что выяснить, что именно она могла доставить на Бельтайн и смонтировать на океанском дне, мне не удалось. По объемам поставки и срокам монтажа тоже ничего не высветилось – слишком большой диапазон. По всему выходило, что надо лезть и смотреть на месте. Пришлось обратиться к Корсакову – уж очень мне не хотелось кому-то на планете сообщать о своем интересе к подводному миру, а из того, в чем я с Келли плавала, я уже выросла. Такое бывает, понимаешь ли, пятнадцать лет прошло... – что-то, подозрительно похожее на ностальгическую улыбку, мелькнуло на ее хмуром лице, на секунду сделав его мягким и женственным. Мелькнуло и пропало. – Ну, как ты уже, наверное, по-

нял, русские – народ основательный. С точки зрения господина контр-адмирала, снаряжение для подводного плавания, предназначенное для одной женщины, – это полтора десятка десантников и платформа на антиграве, с эхолотом, подъемниками и прочими прибабахами, – чуть ироничная теплота, прорезавшаяся в глазах и голосе Мэри, понравилась Моргану, и он дал себе слово на досуге получше присмотреться к русскому командующему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.